

Л. С Т Е Р Н Ъ .

ПУТЕШЕСТВІЕ
Й О Р И К А

ПО ФРАНЦІИ,

ИЛИ

*забавныя и остроумныя замѣ-
танія и живописныя оттѣнки
нравовъ и характера Француз-
скаго народа до Революціи.*

*Сочиненіе извѣстнаго Англинскаго
Писателя Гна. Стерна.*

Изданное по его смерти другомъ его
Евгеніемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Переводъ съ подлинника.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1806 года.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
устрежденнаго для Округа Импера-
торскаго Московскаго Университета.*

ПУТЕШЕСТВІЕ
И О Р И К А
ПО ФРАНЦІИ.

Отъѣздъ — Прибытіе.

— Въ такомъ случаѣ гораздо лучше поступають во Франціи, сказалъ я. —

А вы были тамъ? спросилъ меня съ преучтивымъ и умильнымъ взглядомъ шонъ господинъ, съ которымъ я спорилъ.

Спранно! думалъ я; не ужели онъ считаетъ удивительнымъ дѣломъ бышь во Франціи, и еще тогда, какъ я только за двадцать одну милю отъ ней? — Чудно! но можетъ бышь онъ имѣетъ на это причину — надобно опгадать ее. — Такое намѣненіе прекрапило споръ нашъ. . .

Я побѣжалъ домой — положилъ въ чемоданъ полдюжины рубашекъ, черное шелковое нижнее платье, взглянулъ на кафшанъ, и найдя его довольно крѣпкимъ, поскакалъ въ Дувръ въ почтовой коляскѣ.

Тамъ нашедши пакетботъ, которой отправлялся въ девять часовъ по утру — я сѣлъ въ него. — Въ три часа по полудни былъ во Франціи, и былъ цыпленка въ соусѣ съ такою жадностію, что въ слѣдующую ночь чуть чуть-было не отправился на помъ свѣшъ; тогда бы по *правамъ Обенинскимъ* (*), — которыхъ исполнительной силѣ цѣлой свѣшъ прѣшившись не въ состояніи, — мои рубашки, мое нижнее платье, и все досталось бы въ наслѣдство Королю Французскому; и швой портретъ, Лизета, копо-

(*) *Права Обенинскія* у Французовъ состоятъ въ томъ, что всякаго иностранца (выключая Швейцаровъ) умершаго во Франціи имѣніе должно достаться Королю.

рой я такъ долге носилъ на шеѣ, которой клялся взять съ собою во гробъ — да, Лизета, онъ достался бы Королю Французскому: — его сорвали бы съ груди моей. . . Право, Господа Французы, такой поступокъ не слишкомъ-то великодушенъ! Хорошее ли дѣло воспользоваться неуѣренностию безразсуднаго спранника, котораго ласковая привѣтливостъ ваша заманила сюда. По чести не такъ-то хорошо, Ваше Величество, изволиште дѣлать! Повелителю народа, котораго честность и чувствительность повсюду превозносятся, совсѣмъ не пристало поступать такъ съ тѣмъ челобкомъ, которой только для того и приѣхалъ, чтобъ покороче съ нимъ познакомиться. — Я едва только вступилъ на вашу землю.

Кале — Влесагльнїя.

За обѣдомъ опорожнилъ я нѣсколько полныхъ стакановъ вина за Королевское здоровье въ увѣреніе,

что я не только не сердитъ на него, но еще почишаю его за его кропкой, снисходительной нравъ. Душа моя отъ шакова добраго дѣла, казалось, возвысилась на цѣлой дюймъ для этого сладкаго чувства — примиренія.

„Нѣтъ, говорилъ я, нѣтъ; поколѣніе Бурбоновъ не можешъ быть свирѣпымъ; они обманываются иногда; — но эта общая участь людей! Природа наградила ихъ кропкою.“ — Между тѣмъ, какъ душа моя оправдывала эту истинну — румянецъ игралъ на щекахъ моихъ — но божусь, что этотъ румянецъ родился не отъ *Бургонскаго*, а отъ другой гораздо пріятнѣйшей причины.

„Правосудный Боже! вскричалъ я, опшолкнувши ногою чемоданъ; правосудный Боже! что такое есть въ сокровищахъ міра? — Что производитъ злобу между людьми, и искреннихъ друзей дѣлаешъ смертельными непріятелями?“

Блаженъ, кто любитъ миръ !
кто истинный другъ человечества !
Золото не прельщаетъ его — оно
для него есть ничто иное, какъ
спасительное орудіе несчастныхъ, ко-
торыхъ онъ вездѣ ищетъ ; — и вы-
нимая кошелекъ, онъ отдаетъ его
бѣдному вмѣстѣ съ своею душою.

Въ эту минуточку я почувство-
валъ въ сердцѣ своемъ подобное по-
бужденіе. . . . Жилы мои расширя-
лись, кровь быстрѣе обращалась въ
нихъ ; такъ что самая разборчивая
Французская щеголиха, со всею сво-
ею привязанностію къ житейскому,
не почла бы меня за машину — и вся
система ея перевернулась бы верхъ
дномъ.

Такое разсужденіе предсзавило
мнѣ Природу во всей простотѣ. До
этихъ поръ я былъ согласенъ со
всѣмъ свѣтомъ ; а съ возрожденіемъ
этой мысли заключилъ я союзъ съ
самимъ собою.

О ! если бы на эту минуточку
сдѣлали меня Королемъ Французскимъ :

•Ѣ какимъ душевнымъ восхищеніемъ
внялъ бы я голосу обиженного сироты!
сѢ какимъ удовольствіемъ возвратилъ бы я
ему опцовской чемоданъ!

Кале — Монахъ.

Лишь шолько я успѣлъ это про-
изнести, какъ вдругъ явился передо мной
моцалъ Францисканскаго Ордена, и просилъ
подавнїя для своего монастыря. Никшо не
захочешъ, чшобъ добродѣтель его была
игрушкою случая! Великодушнымъ должно
быть сѢ размышленіемъ, по словамъ
Теологовъ: *Sed non quo ad hanc. . .*

Пусть будетъ такъ, какъ бытъ
можешъ. Какъ судить намъ о пере-
мѣнѣ нашихъ желаній и чувствованій!
Они, можешъ бытъ, зависяшъ
опъ одинакихъ причинъ сѢ приливами
и отливами Океана. Чшо касается до
меня, то безъ сомнѣнїя я желалъ бы
лучше, чшобъ обо мнѣ говорили,
чшо я хватаю сѢ неба звѣзды —
въ чемъ нѣшъ ни сшыда, ни грѣха,

нежели по доброй волѣ вмѣстѣ вѣдѣшь такое обстоятельство, гдѣ естѣ и то и другое. — Но по крайней мѣрѣ я былъ бы эшимъ довольнѣе.

Но возвратимся къ *монаху*. — При первомъ на него взглядѣ, я рѣшился не давать ему ни полушки. Завязавъ свой кошелекъ, опустилъ его въ карманъ и съ важностію подошелъ къ святому ошцу. Надобно думать, что въ это время было на лицѣ моемъ что нибудь непріятное и суровое. Образъ *монаха* и по сую пору еще живо представляется глазамъ моимъ; онъ право заслуживалъ лучшаго приѣма. Глядя на гладкую его голову, на которой изрѣдко торчали сѣдые волосы, можно было подуманъ, что ему лѣтъ семдесятъ; а живость глазъ, которыхъ не помрачило еще время, показывало не болѣе шестидесяти, — можетъ быть истинна была на самой серединѣ, то естѣ на шестидесяти пятимъ году. Вся физиогномія его въ томъ увѣряла — выключая морщины, которыхъ могущъ быть и прежде-временно.

Голова его похожа на одну изъ тѣхъ, какія списывалъ Гвидо: блѣдный и смиренный видъ. Въ немъ не примѣшно было обыкновенныхъ идей, тучнаго и самимъ собою занятаго невѣжества, которое смиренно поупяетъ глаза въ землю; нѣтъ! его глаза смотрѣли впередъ, какъ бы за предѣлы этого міра. Не понимаю, какъ эта голова попалась на плеча *монаха*, да еще и Францисканскаго Ордена; ебъ этомъ лучше знаешь небо — образовавшее ее. Но она лучше бы пристала Брамину, и еспьли бы мнѣ случилось съ нимъ встрѣпиться на поляхъ Индостана — то конечно я воздалъ бы ему почтеніе.

Остальная его наружность была обыкновенная; всякой живописецъ намалевалъ бы ее. Въ ней, такъ же какъ и въ характерѣ и выраженіяхъ его, не заключалось ничего пріятнаго и ничего отвращительнаго. Станъ его былъ бы выше посредственнаго, еспьли бы онъ не наклонялъ его впередъ. — Это была уловка *монаха*, которой далъ клятву скитаться по міру, и какъ шеперь помню, гор-

батая фигура дѣлала ему болѣе добра , нежели худа.

Переступивъ шага два за порогъ, онъ прижалъ лѣвую руку къ сердцу, а правою оперся на свой страннической посохъ, — и въ шакомъ Риторскомъ положеніи началъ проповѣдывать о нищестѣ монастыря, а особенно о своей братіи. — Это произнесъ онъ съ такою пріятною простотою, съ такимъ видомъ смиреннаго упрека, что надобно бытъ каменному, чтобъ не почувствовать состраданія.

Одно только это можетъ оправдать мою нечувствительность, что я уже прежде рѣшился не давать ему ни полушки.

Причина раскаянія.

„Вѣрю, святой отецъ! вѣрю вашей бѣдности,“ сказалъ я, смотря ему въ глаза, которые онъ по окончаніи проповѣди своей возвелъ къ

небу. — „Сердечно желаю, чтобъ Богъ умилосердился надъ скишающимися по міру — но боюсь, что беспрестанные попрошайки надобдѣяшъ Ему скоро.“

При словѣ *попрошайка* глаза его опустились на рукавъ рясы . . . я почувствовалъ силу этого нѣмаго краснорѣчія. „Признаюсь, (продолжалъ я) что ваше платье, которое вамъ дается на три года, хотя довольно толсто и дешево; но со всѣмъ тѣмъ жаль отдавать его такимъ пунядцамъ, какъ *монахи* Францисканскаго Ордена. Лучше бы отдавать его бѣднымъ, увѣчнымъ и дряхлымъ . . . Невольникамъ, обремененнымъ оковами, угнѣвленнымъ своею жизнію, которые вѣчно помѣются и, не имѣютъ куска хлѣба . . . Лучше, еслибы вы были *Ордена милосердія*, вмѣсто святаго Франциска! Сколько я ни бѣденъ, — какъ вы можете судить по моему чемодану, но съ сердечною радостію отдалъ бы послѣднее платье несчастному.“

Монахъ мнѣ поклонился, а я продолжалъ: „Бѣдные мои соотечественники имѣють преимущественное на это право. Какое множество оставилъ я ихъ на берегу моей родины!“ — Онъ крѣпко наклонилъ голову, и казалось будто давалъ мнѣ знать, что во всемъ свѣтѣ обитаетъ такая же бѣдность, какъ въ его монастырѣ. — „Мы должны различать, (говорилъ я, держась за его рясу и желая отвѣчать на паншамину его головы) должны хорошо различать шѣхъ, которые достаютъ хлѣбъ трудами, отъ шувейцовъ, которые живутъ праздно — во имя Божіе... обѣщаютъ другимъ — и нимало не хотятъ работать.“

Бѣдной Францисканецъ не отвѣчалъ ничего. Небольшой румянецъ показался у него на щекахъ; казалось, что Природа не надѣлила его ни малѣйшею частичкою злобы; по крайней мѣрѣ онъ ни мало не показалъ ее. — Не видя усиѣха въ своемъ предпріятіи, взялъ онъ копыль подъ

шышку, сложилъ руки, и съ спокойнымъ духомъ вышелъ.

Польза отъ стряпчихъ.

Онъ еще не успѣлъ затворить двери, какъ сердце мое упрекнуло меня въ моей жестокости. Тѣи раза покушался я принять спокойной видъ; но всѣ наговоренныя ему грубости кружили мою голову. — Уже поздно приходило мнѣ на умъ, что я никакого болѣе не имѣлъ права надъ бѣднымъ монахомъ, какъ только — не давать ему милосшыни. И эшто въ отказъ, безъ оскорбленія его чести, былъ бы конечно для него горестенъ. Я вспомнилъ сѣдые его волосы, благородную осанку, и мнѣ слышалось, будто онъ говоритъ мнѣ: Что я вамъ сдѣлалъ? за что вы со мною такъ жестоко поступали? По чести я далъ бы шеперь двадцать франковъ какому-нибудь *стряпичежу*, копорой бы могъ все эшо передѣлать. Между тѣмъ я не много успокоился . . . „Худо, говорилъ я самъ

себѣ, очень худо объяснился я въ самомъ началѣ моего путешествія! — но со временемъ общаюсь исправишься.“ —

Кале — Поттовая коляска.

Забѣнилъ я, что чѣмъ менѣе человекъ въ удовольствіи, тѣмъ болѣе расположенъ къ издержкамъ. Для путешествія по Франціи понадобилась мнѣ карета — пѣшеходцы въ худомъ почтеніи въ практикахъ. Я вошелъ на дворъ, и во ожиданіи кареты хотѣлъ купить, или нанять одноколку, — ихъ тамъ было много. Вдругъ попалась мнѣ въ глаза одна старая *поттовая коляска*, которая стояла въ самомъ углу назади, — и я съ радости вскочилъ въ нее. Она была покойна и мнѣ очень понравилась. Я велѣлъ позвать къ себѣ Г. Дессейма, хозяина того дому, но онъ былъ у вечерни. — Это меня нѣсколько раздосадовало: я бы тогда часъ кончилъ съ нимъ свой торгъ, потому что я страшно влюбился въ *коляску*. —

Мнѣ скучно показалось ожидать его шумѣ; я хотѣлъ было выдти изъ нее, какъ увидѣлъ на другой споронѣ двора монаха, котораго я не такъ ласково принялъ: онъ разговаривалъ съ какою-то новопривъжею госпожею. — Мнѣ не хотѣлось съ нимъ встрѣтиться; я сѣлъ опять и задернулъ шафьяную занавѣску. Но чтожь мнѣ дѣлать въ коляскѣ? — а! мнѣ вѣшь надобно писать свое путешествіе. Такъ чтожь мнѣ начать здѣсь предисловіе? — Я вынулъ изъ кармана изломанной карандашъ и началъ.

Предисловіе въ поттовой коляскѣ.

Безъ сомнѣнія многіе Философы замѣтили, что могущественная Природа, — чтобъ избавить человека отъ неудовольствій, которыхъ онъ почти всегда самъ бываетъ причиною, — заставила его прудиться для его же собственныхъ нуждъ. Нужды одного человека она раздѣлила на

всѣхъ людей, для того, что одному трудно перенести ихъ. — Мы не имѣемъ столько силы, чтобъ распространять наше щастіе далѣе границъ его: недостатокъ въ знаніи языковъ, связяхъ и зависимостяхъ, различное воспитаніе, обычаи, а болѣе всего опечественной навѣкъ дѣлаемъ почти невозможнымъ способъ изъяснять свои чувствованія и желанія — слѣдовательно достигать до своей цѣли.

Изъ этого заключить можно, что путешественникъ подверженъ многимъ невыгодамъ. Онъ часто принужденъ бываетъ прарпиться безъ всякой необходимости и бездѣльных вещи покупать за дорогую цѣну. Сверхъ того на каждомъ шагу встрѣчается съ нимъ столько горестей!

Это приведетъ меня къ моему намѣренію, и если *коляска* своимъ колебаніемъ мнѣ не помѣшаетъ: то я открою причины, побуждающія путешествовать.

Праздные люди, оставляющие свое опечесство, бывающъ къ тому принуждены премо главными причинами:

*Тѣлесною немощію ;
Душевныя недугомъ ;
Необходимою нуждою.*

Путешественники, добровольно себя изгнавшіе изъ опечесства отъ гордости, любопытства, тщеславія, или отъ суровости нрава, принадлежатъ къ двумъ первымъ причинамъ.

Третій классъ содержитъ въ себѣ пропасть путешествующихъ мучениковъ ; какъ на примѣрѣ: монаховъ всякихъ Орденовъ, съ письменнымъ увольненіемъ отъ Настоятеля ; пресупниковъ, спасающихся отъ наказанія ; также безпечныхъ дворянъ, копорыхъ выгоняетъ изъ дому суровость родителей, мѣщающихъ имъ промашывать имѣніе и гибнуть въ развратныхъ удовольствіяхъ.

Чуть чуть - было не позабылъ еще четвертой классъ. Правда, онъ столько не важенъ, что можно бы и не упоминать объ немъ, если бы не требовала этого строгая точность. Я разумѣю здѣсь людей, которые переѣзжая моря и живущъ въ чужихъ земляхъ для сбереженія денегъ: впрочемъ на это есть многія причины; — самое живое воображеніе не въ силахъ понять ихъ. Можетъ быть они избѣгаютъ заботъ, уѣзжая изъ своего отечества, и ничто не можетъ удержатъ ихъ искать разсѣянія по цѣлому свѣту. Но какъ причины ихъ путешествія не одинаковы съ причинами другихъ, пошому я и раздѣлю ихъ всѣхъ вообще слѣдующимъ образомъ:

- Путешественники праздные;*
Путешественники любопыт-
ные;
Путешественники лжецы;
Путешественники гордые;
Путешественники тщеславные;
Путешественники чуждые.

По помѣ:

Путешественники по неволѣ:

монахи, бѣглецы и проч.;

*Путешественники невинные и
несчастные;*

Путешественники простые;

Наконецъ ешѣли вамъ угодно:

*Путешественники чувстви-
тельные.*

Въ эпомѣ - то сорянѣ мнѣ хоченся бытъ самому, и я намѣренѣ опдашь ошчепѣ въ моихъ пупешествіяхъ. Ешѣли спросишь: для чего я пупешествую? я скажу съ охошою; у меня нѣмѣ ничего пайнаго — но для эпого я имѣю такую же необходимость, какъ и всякой другой.

Я знаю, что примѣчанія мои со всѣмъ другаго разбора съ примѣчаніями моихъ предшественниковъ, и что я могъ бы помѣщенѣ бытъ въ особенномъ спискѣ; но что ѣв обрашпшь на себя вниманіе, назовусь

тщеславныя путешественники. Я оставляю это до другого основанія, гораздо лучшаго, нежели то, которое я сдѣлалъ сидя въ коляскѣ. Чашпель мой, ешьяи когда нибудь путешествовалъ, можетъ помѣстить себя въ топъ классъ, въ которой ему будетъ угодно. Для этого не нужно ни много знать, ни размышлять. — Такое помѣщеніе будетъ первымъ шагомъ къ познанію самаго себя; и я, не смотря на его странствованіе, готовъ обвѣ закладъ биться, что въ немъ еще много осталось старины.

Топъ, которой прежде всѣхъ перенесъ виноградныя лозы на мысъ Добрая Надежды, хотя былъ и Голландецъ, — конечно не воображалъ, что онъ будетъ пить тамъ такое же вино, какое пивалъ на отлого-стяхъ Бона и Помара. — Флегма мѣшала ему предвидѣть такое событіе; однакожь все не опчаявался пить тамъ хоть что-нибудь на то похожее. Онъ зналъ, что это зависить отъ времени, которое можетъ благоприятствовать его намѣреніямъ —

или совсѣмъ разрушить ихъ. — Между тѣмъ онъ все-таки ожидалъ лучшей удачи. Но Г. Голланецъ легко могъ бы ошибиться въ своихъ предположеніяхъ, — могъ бы не имѣть винограднаго саду — и быть людскимъ посмѣшищемъ.

Похожее на то случается и съ бѣднымъ путешественникомъ, которой переплываетъ моря, развѣзжаетъ по просвѣщеннѣйшимъ Государствамъ для приобрѣтенія знаній и для ихъ усовершенствованія.

Правда можно, бродя по свѣту, приобрѣсть знанія; — но это еще мало, чшобъ чему нибудь научиться — надобно сдѣлать полезными свои познанія. По несчастію это бываетъ на оборотъ. Судя по этому, можно заключать, что человекъ могъ бы прожить весьма покойно въ своемъ Государствѣ, не обременя своей головы посторонними свѣденіями, а особливо, когда онъ не имѣетъ въ нихъ нужды. Мнѣ больно воспрѣшиться съ *любопытнымъ путешественникомъ*, бродящимъ по чу-

жимъ землямъ, чтобы увидѣть и узнать то, что, какъ сказалъ Санго-Панса Донъ - Кжшоту, могъ бы онъ узнать и увидѣть не пошавши сапогъ. — Просвѣщеніе, благодаря нашему вѣку, такъ распространилось, что почти нѣтъ въ Европѣ уголка, которой бы не былъ озаренъ его свѣтомъ, — которой не былъ бы извѣстенъ всѣмъ. Много есть такихъ Наукъ, за которыя, какъ за площадную музыку въ Италіи, ничего не платятъ. — Самъ Богъ тому свидѣтель, Которому нѣкогда я дамъ въ этомъ опченъ, что я говорю истинну: нѣтъ на землѣ такого Государства, въ которомъ процвѣтали бы такъ Науки, въ которомъ бы скорбе и удобнѣе можно было выучиться, въ которомъ бы Художества были въ такомъ уваженіи и такъ усовершенствованы. Гдѣ есть болѣе Геніевъ, и кто лучше Англичанъ понимаетъ Природу? . . А! . . земляки здарова! куда васъ Богъ несетъ?

Насъ! отвѣчали они: никуда, Мы смошримъ на *коляску*. — По-

корной слуга, сказалъ я имъ, выпрыгнувши изъ нее и снявъ шляпу. — Мы примѣтили качаніе *коляски* и захотѣли узнать причину, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, по видимому *любопытный путешественникъ*. — Съ удовольствіемъ отвѣчалъ я: этому колебанію было виною *предисловіе*, которое я писалъ въ ней. — *Предисловіе*, прервалъ другой, *простой путешественникъ*, какъ мнѣ показалось; я отъ роду не слыживалъ, продолжалъ онъ, чтобъ *предисловіе* можно было писать въ почтовой *коляскѣ*! Истинная правда, сказалъ я; въ визави несравненно удобнѣе.

Что за рѣдкость Англичанину смотрѣть на Англичанъ? — Я ушелъ въ свою комнашу.

Невѣсткѣ на отлѣсткѣ.

Попутя голову, разхаживалъ я по коридору, какъ вдругъ какая-то тѣнь, гораздо огромнѣе моей, за-

шла дорога. Я взглянул и увидел Г. Дессейна. Он возвратился от вечерни. Прижав шляпу к груди, преувеличивым тоном спрашивал меня: какую я имбу в нем надобность? — Предисловіе поселило во мнѣ какое-то отвращеніе къ коляскѣ; мнѣ уже хотѣлось имѣть совсѣмъ другимъ манеромъ. — Ужимка, съ какою говорилъ Г. Дессейнъ, сказывала мнѣ, что эта коляска для меня не годится. — Я въ минушу догадался, что она принадлежала какому нибудь бѣдному спраннику, которой положившись на добрую душу Г. Дессейна, поручилъ ее продать. Четыре мѣсяца она неподвижно спитъ въ заднемъ углу сараѣ. Она прокапалась по цѣлой Европѣ, и здѣсь по опредѣленію Судьбы должна кончить бѣгъ свой. Бѣдная! она безъ починки не могла шагу сдѣлать со двора, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ разшиблась съ горы Сеннисъ. Приключенія ея никого не приводили въ жалость, и спокойное отдохновеніе въ сараѣ Г. Дессейна было для нее неприятно. Можетъ быть она достойна лучшей участи... можетъ быть

она принадлежала какомунибудь несчастливцу. . . . Если можно облегчить горестъ искреннимъ участвіемъ; то неужели найдется такое чудо-ище, которое и въ этомъ опроверженъ страдающему?

„Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, — сказалъ я Г. Дессейну, ударивъ пальцами въ его бѣлохо; — то отъ одного стыда сбылъ бы съ рукъ эдакую коляску. Мнѣ кажется она безпрестанно упрекаетъ васъ.“

„Клянусь Богомъ, милосливый Государь! что мнѣ барыша отъ нее нѣтъ ни на волосъ.“ —

„Выключая того, прервалъ я, какой получающъ люди, различнаго съ вами смысла стѣ собщвенныхъ своихъ чувствованій.“

„Я очень увѣренъ, что человекъ, принимающій участіе. . . .“

„Перестаньте, сударь, прищваряться чувствительнымъ; я васъ такъ коротко знаю, какъ будто цѣ-

лой вѣкѣ жилъ съ вами. Вамъ никогда не приходило въ голову, что и васъ можетъ заспигнуть ненастная ночь! — Или вы также чувствуете, какъ и коляска?“

Я примѣшилъ, что Англичанинъ не такъ бываетъ сядишь, когда онъ выговариваетъ, что называется не въ глазъ, а въ самую бровь; — Француза не уколешь такою бездѣлкою. Г. Дессейнъ мнѣ поклонился.

„Вы правду изволише говорить, сударь; но въ такомъ случаѣ я одно безпокойство долженъ примѣнять на другое гораздо непріятнѣйшее. Посудите, естьли я продамъ вамъ коляску, которая на полозинѣхъ дороги разобьется въ дребезги; по какое будетъ имѣть обо мнѣ мнѣніе такой разумной баринъ, какъ вы, сударь?“ —

Какъ аукнешся, такъ и опкликнешся; дѣлаешь нечего! Надобно было проглотить пилюлю. — Я поклонился Г. Дессейну также какъ и онъ мнѣ; и не говоря болѣе о слѣд-

спвіяхъ совѣсти , пошли мы въ карешной сарай выбирать другую коляску.

Кале — Улица.

Земной Шаръ похожъ на сварливую старуху. — Представьте! нельзя купить бездѣльной *одноколки*, чтобъ не надѣлать такого шума, какой бываетъ у старыхъ бабъ на улицѣ! Стоило только сказать послѣднюю цѣну, и все бы кончилось. Я смотрѣлъ на хозяина съ такою злобою, какъ будто бы шелъ въ *Гайдъ-Паркъ* (*) съ нимъ драться. Откровенно сказать, я не такъ-то ловко управлялъ шпагою, и для того не хотѣлъ испытывать искусства Г. Дессейна; но это не мѣшало мнѣ на него также сердиться, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ.

(*) Такъ въ Англіи называется мѣсто, куда выходятъ биться на поединкъ.

Я прилѣжно разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ, и онъ мнѣ казался : по Жидомъ, по Туркой. Парикъ его мнѣ чрезвычайно не нравился. Я заклиналъ его всѣми Святыми убирашья къ дьяволу.

Стоитъ ли за дрянъ такъ надрывать себя? Что значишь при лишнихъ луйдора? . . Гнусная спрасть! сказалъ я отворотясь съ спремишельностью, свойспвенною такому человеку, копорой мгновенно перемянешь свои мысли — гнусная и презришельная спрасть! ты раждаешь брань между людьми; имъ должно бы спрашиться тебя!

„Боже меня избави!“ вскричалъ кто-то позади. Я обернулся — увидѣлъ ту *барыню*, копорую *монахъ* подцѣпилъ на дворъ. Мы и не примѣтили, что она шла за нами. — Сохрани васъ Богъ отъ того, сударыня, сказалъ я, подавая ей руку. Черныя шелковыя перчатки не закрывали маленькихъ ея пальчиковъ; она безъ всякой церемоніи приняла

мою руку, — и мы пошли къ *каретному сараю*.

„Чортъ поberi эти проклятыя ключи!“ кричалъ Г. Дессейнъ; и сколько не прикладывалъ, ключи были не тѣ. — Намъ не менѣе его хотѣлось войти въ *сарай*. Мое неперибънное было споль велико, что я совершенно забылся, что рука незнакомки была у меня въ рукахъ. Г. Десейнъ оставилъ насъ въ этомъ положеніи, увѣряя, что онъ черезъ пять минутъ ворочится назадъ. Мы между тѣмъ стояли оборотясь лицами къ *каретному сараю*. Въ такомъ положеніи и пяти-минутной разговоръ несравненно драгоцѣннѣе пяти вѣковъ, проведенныхъ въ разговорахъ лицомъ на улицу. Въ послѣднемъ случаѣ разговоры бывають о вещахъ постороннихъ; но когда смотришь на предметъ, котораго еще не понимаешь и самъ, но душевно желаешь понять, тогда слова выливаются прямо изъ сердца. Я находи'ся въ такомъ положеніи, въ какомъ одна минута молчанія надѣлала бы много худаго; — она безъ

сомнѣнія обернулась бы. Спрашась
этого, я потчасъ началъ говорить.

Я не для того пишу, чтобы
оправдать слабости моего сердца.
Путешественникъ долженъ быть спра-
ведливъ въ своихъ повѣствованіяхъ.
Я опишу все тогдашнее мое со-
стояніе.

Можетъ быть скажутъ, что я
описываю очень просто; но я изоб-
ражаю то, что чувствую.

Кале — Каретной сарай.

Я прежде уже сказалъ, что мнѣ
не хотѣлось выходить изъ *коляски*
тогда, какъ увидѣвъ *монаха*, раз-
говаривающаго съ пріѣзжею *бары-
нею*; сказалъ справедливо, но не со-
всѣмъ. Пріятной ея видъ подѣйстви-
валъ надо мною сподѣкожь, какъ и
надъ монахомъ, естли не болѣе. Я
боялся, чтобы онъ не пересказалъ
ей о моемъ угощеніи, — это меня
шрөгало.

Я дорого заплашилъ бы тому, кто бы вздумалъ запереть *монаха* въ *келью* на цѣлой эпошъ день.

Когда сердце упреждаетъ разумъ, то послѣдній избавляется многихъ хлопотъ. Мнѣ казалось, что она имѣла красоту Ангельскую. Всякая красота привлекаетъ вниманіе; часно новой предметъ заставляетъ забывать старой. Опустивъ занавѣску, я опять принялся за свое *предисловіе*, и незнакомка исчезла съ своею красотою. Я не думалъ объ ней болѣе. Но встрѣча возобновила во мнѣ прежнее впечатлѣніе. Скромной, опкременной видѣ, съ какимъ она подала мнѣ руку, увѣряя, что она хорошо воспитана и имѣетъ нѣжныя чувства. — Провожая ее, чувствовалъ я какую-то необыкновенную радость.

Съ такимъ товарищемъ, думалъ я, не скучно бы было объѣхать цѣлой свѣшъ!

Мнѣ не удалось еще видѣть лица ея — и какая нужда! Я уже спи-

салъ ея поришетъ. Воображеніе нарисовало мнѣ такую головку, какая бываетъ ли и у самихъ богинь. О мечпа! какую волшебною силою обольщаешь ты разумъ нашъ! сколько разъ въ одинъ день перемѣняешь ты прелестныя свои каршины! и — всегда съ такою пріятностію, съ такою ловкостію, и съ такимъ блистаніемъ, что по истиннѣ жаль съ тобою распаться!

Подходя къ каретному сараю, она сняла съ себя покрывало, и я увидѣлъ женщину лѣтъ двадцати шести, свѣшлорусую, пригожую, не нарумяненную, не пудреную, и просто причесанную. — Есльи строго разбираешь ея черты, то нельзя назвать ее красавицею; но въ ней было что-то такое, которое въ тогдашнемъ разгоряченномъ моемъ воображеніи чрезвычайно меня плѣняло. Она имѣла видъ величавый, и казалась вдовою, преодоlvщею жестоку ю горестъ и потомъ утѣшенною; но эша вишь одна только догадка; впрочемъ тысяча другихъ несчастныхъ обстоятельствъ моглибъ оставишь

такіежь слѣды на лицѣ . . . Мнѣ опмѣнно хотѣлось знать исторію ея несчастій ; и если бѣ не вышелъ изъ моды образъ разговоровъ, употребительной во времена Эздры, я пошчасъ спросилъ бы у ней : что вамъ сдѣлалось ? отъ чего такой чуждой видѣ ? что васъ тревожитъ ? что причиною вашего смятенія ? Короче : я пыталъ бы къ ней неизъяснимое чувство, и рѣшился бы всячески — за ней волочиться.

Такимъ - то печальнымъ случаемъ предался я соблазну. Ахъ ! до чего бы онъ не могъ довести меня ! . . . Мы были одни ; рука ея была въ рукахъ моихъ, и мы стояли прислонившись къ сараю . . . безъ всякой нужды.

Вся съ разговорахъ.

„Не правда ли, сударыня ! (началъ я, приподнявъ тихонько ея руку) ; не правда ли, что эголь

случай открываетъ чудесное предопредѣленіе Судьбы? Безъ ея помощи не возможно-бы было намъ безъ сомнѣнія живущимъ въ различныхъ углахъ Зѣмнаго Шара, не видавъ никогда другъ друга, сѣхаться вмѣстѣ, съ такимъ припомъ дружескимъ расположеніемъ, какое едва-ли въ цѣлой мѣсяцъ самое короткое знакомство произвести можетъ? —

„Правда, сударь! это очень примѣтно изъ вашего разговора, какъ вы встревожены эшимъ случаемъ.“

Я почувствовалъ всю свою глупость. — Да и въ самомъ дѣлѣ, къ какой стати было мнѣ говорить о чудесахъ случая на щетъ шакого положенія, которое столько же выгодно, какъ и пріятно?

„Вы упрекаете Судьбу, продолжала она: и справедливо дѣлаете. . . Одинъ Англинской Философъ можетъ въ такомъ случаѣ совѣтоваться съ разумомъ, чшобы давать свой судъ.“

Признаюсь : это меня огорчило ; въ иномъ случаѣ отъ гораздо важнѣйшихъ причинъ я не могъ бы такъ оскорбиться. — Незнакомка отняла у меня руку ; это терзало мою душу. Никогда и никакая глупая опрометчивость не причиняла мнѣ столько неудовольствія ! . .

Торжество надъ такими побѣдами можетъ ли быть продолжительно? Сердце цѣломудренной женщины скоро имъ скучаетъ. Слуптя пять или шесть секундъ , явленіе перемѣнилось : она положила на меня свою руку , какъ будто желая что-то говорить ; и я не знаю , по какой волшебной силѣ опять очутился въ прежнемъ положеніи. Сколько ни ждалъ ея словъ , но не могъ дождаться.

Замѣтя въ ея отвѣтѣ много остроты и свою въ ней ошибку. — я тотчасъ перемѣнилъ прежній тонъ глупаго своего привѣтствія. Она поглядѣла мнѣ въ лицо ; я сдѣлалъ то же , и на немъ уже не было прежней краски. Всѣ черты лица ея

спали спокойны, и я опять увидѣлъ на нихъ печать горести, которая сначала меня поразила. Какъ грустно смотрѣть на такую умную, нѣжную женщину, снѣдаемую печалію! Я сердечно жалѣю судьбѣ несчастной. Сердцу нечувствительному можешь быть смѣшно покажется, когда скажу, что въ ту минуту я согласился бы взять ее на руки, и безъ всякаго стыда, кошябъ то было на большой улицѣ, прижать къ груди моей.

Рука моя невольно сжимала ея руку и сильное бѣненіе жилъ моихъ давало ей знать о возмущеніи души моей.

Я боялся, чтобъ въ это безмолвіе она сщупительнѣе не почувствовала давленіе руки моей — боялся, чтобъ она еще не опняла ее, — не для того, чтобъ только опнять, но для того, что могло опять придти ей на мысль не ловкое мое обьясненіе. Я выдумалъ небольшую хитрость — послѣднее средство предохранить себя отъ грозящей опасности. Я

развелъ мою руку и держалъ ее такъ слабо, какъ будто бы мнѣ не было въ ней никакой надобности. Мнѣ удалось — она не отнимала ее прочь до шѣхъ поръ, пока появился я къ намъ Г. Дессейнъ съ ключами. Провалъ его пѣбереги! Какъ онъ былъ досажденъ! Мнѣ опять пришелъ въ голову *проклятой монахъ*, кошпорей, казалось, пересказалъ ей обо мнѣ все до крошки. Я выдумалъ, какимъ бы образомъ себя оправдать.

Кале — Табакерка.

Какъ онъ легокъ на поминѣ! Добрай старой *монахъ* стоялъ въ чешырѣхъ шагахъ за нами. Онъ съ робостію подходилъ ближе, какъ будто боялся яаскучить собою. — Наконецъ приблизился, и открывая роговую *табакерку*, которая была у него въ рукахъ, отъ добраго сердца подчивалъ меня табакъмъ. „Понюхайте моего,“ сказалъ я ему, подавая свою черепаховую. — Прекрасная *табакерка!* отвѣчалъ онъ мнѣ. —

„Оставшежь ее у себя, и когда станете нюхать, по помните того человека, которой такъ грубо обошелся съ вами, но по истинѣ не желалъ вамъ зла.“

Лицо старика вспыхнуло. „Клянусь Творцемъ, говорилъ онъ, сжимая свои руки: вы никогда не были противъ меня грубы.“ —

О! за это и я ручаюсь, сказала незнакомка; онъ неспособенъ сдѣлать грубость. . . .

Вопль пришла и моя очередь краснѣть. . . . А отъ чего? оставляю на догадку чувствительнымъ.

„Не ручайтесь, сударыня, я виноватъ передъ нимъ“. —

Не возможно! прервала она. —

„Правда, сударыня,“ вскричалъ монахъ, съ несвойственною для него живостію — этому причиною моя нескромность.

Незнакомка не вѣрила его признанію; я защищалъ ея сторону, утверждая, что такой честной старикъ, какъ онъ, не способенъ никого огорчить.

До сихъ поръ я не зналъ, чтобы такой споръ могъ произвести родъ нѣкотораго крошечкаго и пріятнаго раздраженія во всѣхъ чувственныхъ частяхъ нашего существа. — За споромъ послѣдовало молчаніе, которое однакожь не такъ было скучно, какъ бываетъ въ какомъ нибудь собраніи, когда всѣ умолкнули.

Монахъ потиралъ *табакерку* свою о рукавъ рясы. Какъ скоро навелъ на нее небольшой глянецъ, то поклонясь сказалъ мнѣ: что лучше позабыть обо всемъ прошедшемъ. . . . И какъ бы то ни было, сударь! я всепокорнѣйше прошу васъ, принять мою *табакерку* на обмѣнъ вашей. — Онъ подалъ мнѣ ее съ чистою радостію, а мою поцѣловалъ и положилъ въ карманъ и, не говоря болѣе ни слова — ушелъ отъ насъ.

Табакерка его и теперь у меня цѣла. Она подкрѣпляетъ мою вѣру и возвышаетъ разумъ превыше всего бреннаго. Я всегда ношу ее съ собою; она напоминаетъ мнѣ крошечность и умѣренность ее стараго хозяина, котораго при всякой прискорбной встрѣчѣ поставляю себѣ примѣромъ. Бѣдный! онъ испыталъ ихъ множество. Жизнь его, какъ послѣ я узналъ, была сцѣпленіе различныхъ горестей. Онъ переносилъ ихъ до сорока пяти лѣтъ, и попомъ удрученный прискорбіями, распроганный человѣческою неблагодарностію, испытавшій вѣроломство обожаемой имъ женщины, отказался отъ свѣта, отказался отъ прекраснаго пола, — и обратился къ святилищу или — къ самому себѣ.

Не могу вспомнить безъ сердечнаго состраданія той минушты, когда возвращаясь въ Кале, узналъ, что доброй жонкаль *Лорензо* нѣсколько уже мѣсяцевъ умеръ. Онъ похороненъ былъ на небольшомъ кладбищѣ, въ двухъ верстахъ отъ города. Мнѣ хотѣлось посмотришь, гдѣ его поло-

жили. Я сѣлъ подлѣ могилы, вынулъ роговую его табакерку, сорвалъ одинъ, или два стебелька крапивы, которая не должна была шумѣ распли. — Все это такъ распростало меня, — я обливался слезами — я такъ слабъ, какъ женщина. Люди! вы должны не смѣяться, но сожалѣть обо мнѣ.

П о б ѣ д а.

Между тѣмъ я все еще держалъ прекрасную руку. Мнѣ казалось, что неучтиво выпустить ее безъ поцѣлуя, и я рѣшился. О Боже! какое чудесное дѣйствіе! Природа! какое заключаешь ты въ себѣ волшебное, непостижимое могущество!

Въ ту самую критическую минуту подошли къ намъ оба путешественника, съ которыми я разговаривалъ на дворѣ; они, безъ сомнѣнія, почли насъ за мужа съ женою, или на то похожее.

„Не завпира ли поупру выйдите вь Парижѣ?“ спросилъ насъ *любопытный путешественникъ*. — Я за одного только себя могу отвѣчать, сказалъ я ему. — А я побѣду вь Аміенѣ, прибавила барыня. Мы вчера тамъ сбѣдали. Вамъ не лзя миновать эшоу городъ, проѣзжая вь Парижѣ.

Я хотѣлъ - было поблагодарить его за увѣдомленіе, что Аміенѣ на большой дорогѣ; но вынувъ монашескую шабакерку, понюхалъ шабаку и поклонясь имъ хладнокровно, пожелалъ благополучнаго пуши вь Дуврѣ. — Мы остались опять одни.

Я очень не дурно сдѣлаю, думалъ я, естли эшой отороченной женщиной предложу половину своей коляски? Какая мнѣ оиѣ эшаго будетъ бѣда? — Какъ кака бѣда? вскричали вдругъ всѣ возбуждшіеся во мнѣ гнусныя страсти. — Разъ ты позабылъ, говорила *скупецъ* что надобно будетъ нанять шестью лошадей, и истрашитъ на эшо болѣе дващцаши франковъ?

Ты еще не знаешь ее корешко, твердила мнѣ въ уши *осторожность*. — Не знаешь и хлопотъ, до которыхъ она можешь довести тебя! кричала *трусость*.

На вѣрное можешь положить, прибавила *скромность*, что ее назовутъ твоею любовницею, съ которою познакомился ты въ Калѣ. . . .

Какъ можешь ты послѣ того показаться въ обществѣ? какія можешь ты говорить проповѣди? чѣмъ опличишься ты отъ простаго дьячка? такъ спрашивали меня грозно: *лицемеріе, подлость и гордость*.

Но я отвѣчалъ имъ всѣмъ: это съ моей стороны будетъ честное и благодарное дѣло! — Я дѣйствую всегда по первому стремленію моего сердца, — и никогда не слушаю такихъ разсужденій, которыя ожесточаютъ сердца.

Я оборотился къ незнакомкѣ, но ее уже не было: она такъ тихо отъ меня уплелась, что я и не слышалъ

ного въ сильномъ спорѣ со стра-
стями, надъ которыми одерживалъ
побѣду; она уже шаговъ двашцать
прошла. Я побѣждалъ за нею, желая
ей сдѣлать учпивое предложеніе; но
она, приложивъ руку къ щекамъ, съ
попупленными глазами, шла медлен-
но въ глубокой задумчивости. — Ме-
ня это удивило; я остановился. —
Не о помѣ ли и она думаетъ, о чемъ
думалъ я? Помоги ей Боже! говорилъ
я самъ себѣ: у ней безъ сомнѣнія
есть злая мачиха, или лукавая теш-
ка, или какая нибудь сварливая све-
кровь, у которыхъ она спрашиваетъ
совѣту въ своемъ намѣреніи . . . она
также рассуждаетъ, какъ и я. . . .

Не надобно прерывать вдругъ ея
мыслей. Я пошхоньку отошелъ въ
спорону и разхаживалъ подлѣ *ка-
ретнаго сарая*.

Открытіе.

Въ первой разъ, какъ я ее уви-
дѣлъ, утвердился на этой мысли,
что она прекрасна, а изъ этого видѣ-

велъ также неоспоримую истинну; какъ и первая, что она была *огорченна* вдова. . . . Я не хотѣлъ дальнихъ изслѣдованій. Эта увѣренность мнѣ чрезвычайно нравилась; и еслибы она, опершись на руку, просидѣла до полночи, я бы все держался этой системы и разсматривалъ бы ее изъ точки общаго понятія. Но минута разлуки нашей, можетъ быть, была близка отъ насъ. Она не опоздала еще двадцати шаговъ, какъ мнѣ чрезвычайно захопѣлось узнать все ея обстоятельство. — Мысль о разлукѣ, и можетъ быть вѣчной, распрогала меня до слезъ. Могло очень статься, что я никогда не увижусь съ ней. Какія средства ни предполагало мое сердце, но совсѣмъ шѣмъ я не предвидѣлъ никакой себѣ отрады. Мнѣ хотѣлось узнать ея имя, фамилію и состояніе. . . . Мнѣ извѣстно, куда она ѣдетъ; но желалъ знать, откуда вдова пріѣхала. Какъ все это сдѣлать? Тысячи преградъ удаляли мое покушеніе, и всякой вопросъ считалъ я слишкомъ колкимъ для ея

нѣжности. По крайней мѣрѣ мнѣ это казалось невозможнымъ.

Мнѣ скоро доказали, что невозможное для одного, возможно для другаго. Какой-то Французской Офицеръ, очень спашной собою, проходя мимо насъ, или лучше сказать, перепрыгивая на одной ногѣ, подскокилъ къ намъ въ то самое время, какъ мы подходили къ *каретному* *въраю*: онъ мнѣ поклонился, и просилъ познакомиться его съ барыней.

„Я и самъ не имѣю чести знать ее,“ сказалъ я ему. — Отвѣтъ мой не остановилъ его: онъ и безъ меня съ нею познакомился. —

„Вы конечно, сударыня, пріѣхали изъ Парижа?“ спросилъ онъ ее. —

„Нѣтъ сударь! а только ѣду по этой дорогѣ.“ —

„Не изъ Лондона ли?“

„Нѣтъ, сударь.“ —

„О! такъ безъ сомнѣнія изъ Фландрии?“

„Такъ, сударь.“

„Можетъ быть изъ Лиля? —“

„Нѣтъ, сударь. —“

„Не изъ Арраса ли? не изъ Камбрая ли? не изъ Ганда ли? не изъ Валенціи ли? не изъ Брюкселя ли?“

и т. д. и т. д.

„Такъ, сударь!“

„О! мнѣ это городъ коротко знакомъ. Я былъ при его осадѣ. Какое смутное было тогда время! Признаюсь надобно: это мѣсто удивительно расположено къ тому. Я очень помню: эшотъ городъ — въ ту пору, когда Французы прогнали Цесарцовъ — бискомъ былъ набитъ дворянами. — Барыня поклонилась ему легонько. Онъ разсказалъ ей много о тогдашнихъ своихъ подвигахъ; просилъ ее сдѣлать ему милость, объявить о своемъ имени; и не успѣвъ выслушать ее отвѣта, продолжалъ: „Позвольте, сударыня, спросить васъ,

есть ли у васъ мужъ? или вы вдова?“ Сказалъ — и не дождавшись опять отвѣта, поскакалъ на одной ногѣ въ слѣдъ за своими товарищами.

Я разсматривалъ его очень пристально. „Худо, (подумалъ я) худо учили меня въ ребячествѣ общежитію; хоть убей до смерти, я право этого не умѣю сдѣлать!“

Другой воспользовался бы.

Г. Дессейнъ пришелъ къ намъ съ ключами и отворилъ большой *каретной сарай*.

Первый предметъ, представившійся моимъ глазамъ, была очень нехорошая дорожная *коляска*, почъ въ почъ такая же, въ которой я писалъ *предисловіе*, и которая за часъ прежде мнѣ опмѣнно нравилась. Она была самой попорной работы, которую мастерилъ какой нибудь деревенской мужикъ. Я воображалъ, что и тѣ, которые побдутъ въ ней, не много будутъ лучше мужиковъ.

Незнакомка также съ презрѣніемъ на нее взглянула Г. Дессейнъ, примѣшивъ эшо, повелъ насъ къ другой, которую началъ хвалишь изъ всѣхъ силъ. — „Милордъ В* (сказалъ онъ) заказалъ ее нарочно для того, чшбы обѣѣхашъ въ ней цѣлой Свѣтѣ; но она не далѣе была Парижа. Крѣпче новой, барынь!“

О! безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я ему, проходя далѣе къ прешей, которая мнѣ показалась лучше. — Я началъ торговашъ ее, и между тѣмъ отворяя дверцы, влѣзалъ въ нее. — Тутъ тѣсно, сказалъ я, не лзя помѣститься двоимъ. —

Помилуйте, сударь! прервалъ Г. Дессейнъ; сдѣлайте милость, сударыня! продолжалъ онъ, подавая свою руку, извольте сѣсть въ коляску. — Нѣсколько секундъ барыня была въ нерѣшимости, но наконецъ взошла и едва сѣла, какъ Г. Дессейнъ, котораго кто-то кликнулъ, прихлопнулъ дверь, побѣжалъ вонъ, и оставилъ насъ однихъ.

Признаніе.

„Вопшь забавно! сказала она, улыбаясь; въ другой разъ какимъ-то страннѣмъ случаемъ остаемся мы одни: это очень смѣшно!“

Чегожь къ тому недостаетъ, сударыня? Можетъ быть въ одной только Франціи смѣются надъ такими случаями: тамъ, гдѣ въ первой часъ свиданія открываются въ любви, а во второй отдають себя во власть любимой особѣ.

„О! въ этомъ они очень искусны,“ — перехватила красавица. —

По крайней мѣрѣ такъ полагають. Что касается до меня, я съ тѣмъ не согласенъ. Они только умѣють щеславиться: но способны ли ловить щасливую минуту? Мнѣ кажется, они не великіе въ томъ масшера, и самые худые рыцари, чшобъ шербливо сражались съ богомъ любви. —

„Не ужели вы вѣрите, что какія нибудь чувства вѣшиваются въ ихъ любовь?“

Я этому вѣрю точно такъ же, сударыня, какъ и тому, что изъ разныхъ лоскутковъ можно сшить хорошее платье.

Вдовушка слушала со вниманіемъ, и еще хотѣла слушать.

Подумайте же, сударыня, продолжалъ я, положивъ на нее мою руку; подумайте, какъ различно люди судятъ о любви! Большая часть *степенныхъ стариковъ* гнушаются ею по одному ея имени; *корыстолюбцы* ненавидятъ ее потому, что привязаны къ деньгамъ; *лицемѣры* — припворяясь, что занимаются духовными вещами — ее боялся.

Изъ этого заключить можно, что мы больше испрашены, нежели оскорблены сею спрасію. Еслили человекъ, которой молчалъ часа два, начнетъ вдругъ объяснять свою спрасію, — конечно онъ покажется

страннымъ — неловкимъ. А между тѣмъ, сударыня, подивитесь прощомъ моей: я думаю, что продолженіе небольшого вниманія, которое дѣлается безъ смятенія, и безъ всякаго повода къ презрѣнію, какъ на примѣръ: изрѣдка нѣжный взглядъ, или самый крапчайшій разговоръ о этомъ предметѣ. . . . Я думаю . . . что Природа вмѣшается въ это дѣло и обрабатываетъ все, какъ надобно.

А я знаете ли какъ думаю, сударь! сказала барыня покраснѣвши: что вы напѣваете о любви своей?

Нещастіе и щастіе.

Г. Дессейнъ всегда на бѣду! — Скажите ли вамъ радость, сударыня! кричалъ онъ запыхавшись, отворяя дверцы: Графъ Л. . . , братецъ вашъ, пріѣхалъ. — Хотя всякая радость вдовушки была пріятна моему сердцу, но признаюсь, эта — не весьма меня порадовала. Я не скрылъ отъ нее моей горести. — Не во время гость — хуже Тапарина! „Ешьли

бы минушою позже, сказалъ я ей, я успѣлъ бы объявить вамъ мое *предложеніе*.“

Напрасно вы о томъ жалѣете, сударь, прервала она, положа обѣ свои руки ко мнѣ на плечо: женщина съ нѣкоторыми чувствами почти всегда предузнаешь намѣренія мужчины. —

„О! конечно, сударыня! Всещедрая Природа, въ оборону невинности, наградила ихъ такимъ спасительнымъ даромъ.“

„Развѣ мнѣ угрожала какая нибудь опасность? Я этому не вѣрю, и скажу вамъ, сударь, опкровенно: я согласилась бы на ваше *предложеніе*. . . .“ Она замолчала. — „Я увѣрена, продолжала она, что вы умѣли бы расположить меня къ нѣкоторому повѣствованію, которое, изъ всѣхъ встрѣтившихся на дорогѣ нашей случаевъ сдѣлало бы состраданіе самую опаснѣйшею добродѣтелью.“

Сказавъ это, она пропьянула мнѣ свою руку. Я поцѣловалъ ее два раза, и вѣдушка съ чувствительнымъ, но благосклоннымъ видомъ распрощалась со мною.

Способъ примѣтать.

Лишь только она ушла, какъ смертельная грусть овладѣла всей моею душой. Время шло очень, очень медленно, и я, можетъ быть, въ цѣлой свой вѣкъ не заключалъ такъ скоро двенадцати - гинейной торгѣ, какъ въ эту грустную минушу. Запламя деньги за коляску, послалъ я за почловыми лошадьми, а самъ пошелъ въ свою комнапу.

Боже! вскричалъ я, услышавъ, что ударило только чепыре часа, Великій Боже! возможно, чтобъ въ два часа — столь короткое время, которое провелъ я въ Калѣ, могли встрѣпшиться со мною такія приключенія, которыя едва ли упишешь въ самой толстой книгѣ! Какая пространная маперія для ша-

кого челоѵѵка , копорой разсматриваетъ всякую вещь со вниманіемъ , и не упускаетъ изъ виду ничего , что безпрестанно представляющъ ему и время и случай !

Я не знаю, послужитъ ли трудъ мой къ чему-нибудь доброму ? Можетъ быть другому удастся лучше. Какая нужда ! я дѣлаю только одинъ опытъ о свойствахъ челоѵѵка. Потеря не важная ; одни труды ; за то — я нахожу *удовольствіе* въ испытаніи. Оно поспѣшествуетъ порядочному обращенію моей крови ; разсѣваетъ мрачныя мои мысли ; просвѣщаетъ мое понятіе и умъ мой — довольно и этой награды !

Какъ жалокъ мнѣ тотъ , копорой , пробѣжая отъ Дана въ Бергебы , почувствуетъ скуку ! — И цѣлой свѣтъ , безъ сомнѣнія , покажется безплоднымъ тому , копорой не захочетъ пользоваться его плодами.

Естьлибъ я былъ среди мрачнѣйшей пустыни , думалъ я , по-

ширая съ восторгомъ мои руки, и шамъ нашелъ бы какое нибудь ушѣшеніе. Пріятной миршѣ, печальный кипарисъ заманили бы меня подъ сѣнь свою. Я благословилъ бы ихъ за благодѣтельную тѣнь — я вырѣзалъ бы имя свое на корѣ ихъ — я сказалъ бы имъ: никакое дерево въ цѣлой пущынѣ не можетъ съ вами равняться; вы всѣхъ лучше. — Когда спали бы увядать и падать съ нихъ листья — я спалъ бы сохнуть вмѣстѣ съ ними; я спалъ бы вмѣстѣ съ ними оживать, когда благопворная весна возвратила бы имъ красивую ихъ зелень.

Ученому *Смельфунгусу* всѣ предметы, копорые попадались ему въ его путешествіи изъ Болоніи въ Парижъ, изъ Парижа въ Римъ, и далѣе, казались мрачными и обезображенными — не мудроно: ученой *Смельфунгусъ* спрадалъ желтухою. Путешествіе его не что иное — какъ печальная подробность ущемленныхъ его чувствъ.

Я повстрѣчался съ нимъ въ большомъ подвѣздѣ Пантеона. Онъ выходилъ изъ него. — Какъ вы думаете, спросилъ я, обвѣ этомъ великолѣпномъ зданіи ?

Я ? отвѣчалъ онъ: какъ о пространномъ и весьма удобномъ мѣстѣ для драки пѣшуховъ.

По крайней мѣрѣ, сказалъ я ему: имѣйте лучшія мысли о Венерѣ Медицѣйской.

Проѣзжая во Флоренцію, я извѣстился, что онъ не лучше поступилъ и съ богинею, говоря объ ней, какъ о самой распущнѣйшей женщинѣ.

Смелъфунгусъ на возвратномъ пути своемъ опять мнѣ погасъ въ Туринѣ. Онъ рассказывалъ мнѣ только о печальныхъ приключеніяхъ, испытанныхъ имъ на водѣ и на сушѣ. Онъ не видалъ никого, кромѣ людоѣдовъ, которые едва не содрали съ него кожи; и на всякомъ поспояломъ дворѣ обращались съ нимъ хуже, нежели съ Св. Варфоломеемъ.

О! вскричалъ онъ: я цѣлому свѣту готовъ это объявить. —

Не лучше ли, отвѣчалъ я ему, сказать вамъ прежде о томъ одному вашему лѣкарю?

Мундунгусъ — наибогатѣйшій человекъ — вздумалъ никогда путешествовать. Онъ объѣхалъ Римъ, Неаполь, Венецію, Вѣну, Дрезденъ, Берлинъ; но по своемъ возвращеніи не рассказалъ ни объ одномъ приключеніи, въ которомъ бы находилась какая нибудь благородная черта. Онъ прѣскакивалъ большія дороги, и никогда въ сторону не заглядывалъ, боясь, чтобы любовь, или какая нибудь страсть не воротила его. Пусть наслаждаются они своимъ оцѣнѣмъ, еслили польза могутъ найти его! но самъ Богъ — если Онъ когда возрится на нихъ — не найдетъ такихъ предметовъ, которые могли бы смягчить жестокость ихъ сердецъ. Если бы они вознесены были на самыя небеса, и смиренные Духи радовались бы порхая надъ ними; но и тогдабъ пожа-

лѣлъ я о душахъ *Смельфунгуса* и *Мундунгуса*. Они не принесли съ собою чувствительности; пріятное ощущеніе никогда имъ не будетъ извѣстно. Когда *Смельфунгуса* и *Мундунгуса* помѣстятъ въ самую лучшую небесную обитель, и въ то время души ихъ будутъ роптать на Провидѣніе — и стелать цѣлую вѣчность.

Монпріуль.

На дорогѣ опорвался мой чемоданъ; дождь лилъ ведромъ, и я — желая пособить извощику приязать его по прежнему — вышелъ изъ коляски и упонулъ по колѣна въ грязи. Такая бѣда не одинъ разъ со мною случалась; а между тѣмъ не зналъ, какъ бы пособить этому горю. По пріѣздѣ моемъ въ Монпріуль, хозяинъ спросилъ меня: не угодно ли мнѣ нанять добраго слугу?

Слугу? съ превеликою охотою; мнѣ нуженъ слуга.

„О! вы будете чрезвычайно имъ довольны ; да и онъ опмѣнно обрадуется , когда Богъ допуститъ слушать ему у Англичанина.“

Развѣ не все равно у кого нибудь ?

„Англичане всегда добрые люди.“ —

Хорошо сказано ; но видно за эту похвалу придется мнѣ нынѣшній вечеръ передать копѣекъ двадцать лишнихъ. —

„Для чегожь, сударь, и не передашь , когда есть изъ чего и есть за что ?“ —

О! о! сказалъ я , врядъ ли опдѣлаюсь и еще двадцатью!

„Вчера, сударь! также вечеромъ, какой-то Англинской Милордъ подарилъ цѣлой червонецъ Жанетѣ.“

Тѣмъ хуже для нее , превалъ я.

Жанеша была хозяйская дочь ; и онъ сочтя , что я худо разумѣю по Французски , выдумалъ поучить меня . — „ Вамъ должно бы сказать , сударь : не *тѣмъ хуже* , а *тѣмъ лучше* . Всегда *тѣмъ лучше* , когда ешь прибыль ; и всегда *тѣмъ хуже* , когда нѣтъ никакой . “

Это выдетъ все поже .

„ Нѣтъ , сударь ! не все поже ; большая розница . “

Эти два выраженія : *тѣмъ хуже* и *тѣмъ лучше* , суть два превеликія шпиля , на которыхъ вертятся почти всѣ Французскіе разговоры ; и иностранцу , бдущему въ Парижъ , не худо по замѣнить , и какъ можно стараться до пріѣзду своего выразумѣть всю ихъ силу .

Однажды за столомъ у нашего Посланника какой-то вѣтреный Маркизъ спросилъ Г. Юма : не Стихотворецъ ли онъ ? — Нѣтъ ! отвѣчалъ спокойно Г. Юмъ .

Тѣмъ хуже, сказалъ Маркизъ. —

„Эпопѣ Г. Юмъ (прибавилъ другой) не Стихотворецъ, а Историкъ.“ —

Тѣмъ лучше, перехватилъ Маркизъ; а Г. Юмъ, у котораго, какъ извѣстно, очень доброе сердце, поблагодарилъ Маркиза за его *тѣмъ хуже*, и *тѣмъ лучше*.

По окончаніи урока, хозяинъ кликнулъ Лафлера. Такъ назывался молодой человекъ, котораго представлялъ онъ мнѣ въ услугу. —

„Я ничего не могу сказать вамъ о его дарованіяхъ, говорилъ хозяинъ: вы сами лучше меня узнаете ихъ можете; но что касается до его вѣрности — я за нее вамъ поручаюсь.“

Онъ проговорилъ это съ такимъ тономъ, которой принудилъ меня размыслить о моемъ намѣреніи. Между тѣмъ Лафлеръ, побуждаемый

неперпѣливостію , свойственной пи-
шомцамъ Природы , вошелъ къ намъ.

Надобно быть всѣмъ довольну.

Я съ первой встрѣчи готовъ ду-
мать о всякомъ хорошо , а болѣе о
бѣднякѣ , которой хочешь служить
у *бѣдняка* же. Между тѣмъ такая на-
клонность рождала во мнѣ недовѣрчи-
вость , а иногда приневоливала ее
имѣть. Я чувствую ее болѣе и ме-
нѣе , по мѣрѣ душевнаго моего распо-
ложенія и настоящихъ обстоя-
тельствъ ; также можно прибавить
и пользу , съ которымъ я долженъ
имѣть дѣло.

Лишь только Лафлеръ показал-
ся въ комнату , какъ въ ту же ми-
нуту непринужденной и простой
его видъ истребилъ мою недовѣрчи-
вость. Я тотчасъ склонился въ его
пользу , и нимало не думая — нанялъ
его. По истинѣ я не зналъ ника-
кихъ его способностей. — Какая на-
добность ихъ знать прежде ! когда

будетъ въ нихъ нужда, и тогда успѣю узнать. Впрочемъ Французъ ко всему пригоденъ.

Однакожь любопытство подспрекнуло меня. Но какое было мое удивленіе! . . . бѣдный Лафлеръ ни чему больше не умѣлъ, какъ только *бить въ барабанъ* и просвистать нѣсколько маршевъ на флейтѣ. Я чувствовалъ, что разумъ мой никогда такъ колко не подшучивалъ надъ моею слабостію; не смотря на то, я и тѣмъ рѣшился быть довольнымъ.

Лафлеръ вступилъ въ свѣтъ съ пламеннымъ усердіемъ, которымъ пылають почти всѣ его соотечественники; служилъ нѣсколько лѣтъ Королю, и попомъ — не находя счастья въ барабанныхъ палочкахъ, и не надѣясь мастерствомъ своимъ приобрести себѣ громкую славу — возвратился на родину, гдѣ онъ жилъ и пѣпался чистымъ воздухомъ. — Такъ угодно было Провидѣнію.

Поздравляю тебя съ *походными* барабанщиками! сказалъ мнѣ разумъ. — А чѣмъ же дурно имѣть походнаго барабанщика? Я не хуже сдѣлалъ большой половины *путешественниковъ*, которые ѣздящъ съ шолопою слугъ, и имъ даютъ сполькожь денегъ, какъ встрѣчающимся музыкантамъ, плясунамъ и Богъ знаетъ кому. . . . Когда двусмысленный оборотъ рѣчи можетъ погравить ошибку — жалѣть еще не о чѣмъ.

Не ужели, Лафлеръ! ты ни чему больше не гораздъ? —

„Какъ не гораздъ, сударь! я дѣлаю щиблеты, и играю немного на скрипкѣ.“

Хорошо! а я на басѣ; такъ мы съ тобою сыграемъ. Не умѣешь ли ты еще и бришь, или причесашь немного п. рикъ? —

„О! я, сударь, отмѣнно къ этому склоненъ.“

Слава Богу! сказалъ я; довольно, очень довольно!

Ужинъ былъ гошовъ. Я сѣлъ за столъ. По одну сторону моего стула

сидѣла Англинская собака; по другую — стоялъ Французъ слуга. Я былъ доволенъ, какъ Царь. Ешьли бы Монархи знали искусство ограничивать свои прихоти, тогдабъ — и они были шакъ же счастливы, какъ я.

Предувѣдомленіе.

Во всемъ моемъ путешествіи Лафлеръ не отстаивалъ отъ меня ни на шагъ. Объ немъ я часто говорю буду. Справедливость требуетъ, чтобъ я предварилъ о немъ моего читателя; можетъ быть и его расположу въ пользу Лафлера.

Я никогда не раскаивался въ томъ, что послѣдовалъ первому движенію, побудившему принять его къ себѣ. Никогда никакой Философъ не имѣлъ слуги вѣрнѣе, привязаннѣе, правдивѣе Лафлера. Хотя дарованія его, битъ въ барабанъ и дѣлать щиблеты, мнѣ ни на полушку не приносили пользы, но за то на-

гражденъ былъ безпрестанно веселостию его характера ; она по моему мнѣнью замѣняла всѣ его недоспапки. Одинъ его видъ разгонялъ мою печаль , ободрялъ меня въ пяжкихъ моихъ обстоятельствахъ. Что касается до горести — я никогда не примѣчалъ ее на его лицѣ. Не было такой трудности , которую бы онъ не перенесъ. Ему все было возможно. Никакой голодъ , никакая жажда , никакой жаръ , никакой холодъ не изнуряли его. Лафлеръ всегда былъ одинаковъ. Не знаю , въ самомъ ли дѣлѣ я философъ ; но ежели бы я и былъ имъ дѣйствительно , то признаюсь , что весьма часто пристыженъ былъ прямо философскимъ характеромъ этого бѣднаго слуги. Сколько разъ примѣры его научали меня прилѣпляться къ превосходнѣйшей Философіи ! . . . Со всѣмъ тѣмъ Лафлеръ былъ немного упрямъ , не отъ принужденія , но отъ природы. — Однакожь пробывъ не болѣе шестехъ дней въ Парижѣ , онъ избавился вовсе отъ упрямства. Я хотѣлъ обо всемъ этомъ предувѣдомить мо-

ихъ читашелей, и это *предувѣдомленіе* стоить доброй главы.

*Что дѣлаетъ добродѣтель-
ныя?*

На другой день Лафлеръ вступилъ въ должность. Я сдѣлалъ опись шести рубашкамъ, черному нижнему плащю, и отдавъ ему ключъ отъ чемодана, приказалъ какъ можно крѣпче привязать его позади коляски. Я велѣлъ запрягать лошадей, и позвать хозяина со счетомъ.

„Какъ счастливъ Лафлеръ!“ — говорилъ хозяинъ пяпи, или шести дѣвушкамъ, которыя окружа его ждали благополучнаго пуши: — „насилу бѣдмякъ прильнулъ къ добренькому мѣстечку.“

Я смотрѣлъ на это съ примѣчаніемъ. Лафлеръ перецѣловалъ ихъ всѣхъ по очереди. Глаза его были расплаканы; три раза онъ ихъ опиралъ, и три раза общался выходяшь имъ въ Римъ отпущеніе грѣховъ.

„Весь городъ его любитъ (сказалъ мнѣ хозяинъ), и всѣ будущъ жалѣть объ немъ. Одинъ только за нимъ грѣшокъ: безпрестанно *влюбляется*.“

Хорошо! подумалъ я: не на одного же меня надобно положить за это эписимью. — Думая такимъ образомъ, я почувствовалъ, что я хвалю болѣе самаго себя, нежели Лафлера. Я самъ во всю мою жизнь безпрерывно *влюблялся* — и надѣюсь такимъ образомъ кончить и въѣвъ свой. Я очень увѣренъ, что естли мнѣ предопредѣлено сдѣлать какое нибудь безчестное дѣло, то развѣ тогда, какъ перестану *влюбляться*. Я часто испытывалъ такіе промежутки, и примѣчалъ, что въ это время всегда заговоренъ входъ къ моему сердцу. Оно такъ бываетъ ожесточено, что надобно дѣлать усиліе, чтобы подать нищему нѣсколько больше обыкновеннаго и — чтобы продолжать его суровость. Я старался всячески выкарабкаться изъ этого ненавистнаго положенія — и та минута, въ которую оживо-

являлся я новою спрасшію, была минутою моего исправленія и возвращенія къ добродѣтели. Не подумаешь ли кто, что я хвалю себя? — Совсѣмъ нѣтъ! — я хвалю не себя, но свою спрасшь.

О т р ы в о к ъ.

Абдера — изъ всѣхъ городовъ Эракии — былъ самой развратнѣйшей. Всѣ его жители погружены были въ наужаснѣйшее распутство. Демокритъ — живши въ этомъ городѣ — понапрасну употреблялъ всѣ усилія къ исправленію поврежденныхъ нравовъ. Онъ не могъ успѣть въ томъ. Убийства, заговоры, грабежи — имѣли въ Абдерѣ свое пристанище. Тамъ не только ночью, но и днемъ ходить было опасно.

Въ то время, какъ возвращеніе дошло до самой крайности, на театрѣ Абдерскомъ предшавляли Эврипидову *Андромеду*. Всѣ зрители восхищены ею были чрезвычайно. Но изъ всей трагедіи всего лучше имъ понравились нѣжныя изліянія При-

роды, которыми Эврипидъ наполнилъ жалостную рѣчь Персея :

*О Купидонъ ! царь боговъ и чело-
вѣковъ !*

На другой же день въ цѣломъ городѣ ничего больше не говорили, какъ о Персеевой рѣчи. Она была первымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ. Въ каждомъ домѣ, на всякой улицѣ, вездѣ швердили : *О Купидонъ ! царь боговъ и чело-
вѣковъ !*

Повсюду ошзывалось имя Купидона. Оно положено было на голосъ, и — услаждало гораздо болѣе, нежели самое наиприятнѣйшее пѣніе. Повсюду было слышно : *Купидонъ ! Купидонъ ! царь боговъ и чело-
вѣковъ !* Огнь запылалъ по всему городу, и цѣлая Абдера предалась любви.

Аптекари Абдерскіе перестали продавать чемерицу. Ни въ одной лавкѣ не держали больше смертоносныхъ орудій. Дружба и добродѣтель воцарились въ Абдерѣ. Самые непримиримые враги прекращали свою злобу,

и торжественно обнимали другъ друга. Возродился золотой вѣкъ, и озарилъ Абдеру благошворными своими лучами. Абдеришы играли нѣжныя пѣсни на свирѣляхъ; а женщины, збросивъ багряницы, сидились на правѣ и слушали со вниманіемъ пріятныя концершы.

Одно только могущество Бога (говоритъ опрывокъ), К о ш о р а г о власшь простирается отъ неба до земли и до дна морскаго — въ состояніи сдѣлать такое чудо.

Рѣдко вкушаемое удосольтіе.

Какъ бы ни хорошо расплашился съ хозяиномъ, но никогда не сѣдешь безъ того съ двора, чтобъ еще чего нибудь не испрашишь. — Кто будетъ такъ безжалостенъ, чтобъ опогнать отъ себя нищихъ, просящихъ куска хлѣба? кто захочетъ усугублять ихъ несчастіе? — Не лучше ли подать имъ нѣскольکو копѣекъ, когда можно малостію

усладить ихъ горестъ? Вотъ совѣтъ мой всѣмъ путешественникамъ. Они не будутъ имѣть нужды записывать такой расходъ: эти издержки вносятся совсѣмъ въ особенную роспись.

Ни кто не даетъ денегъ меньше моего, потому что ни у кого нѣтъ ихъ такъ мало, какъ у меня.

Ни гдѣ не дѣлалъ я такого расхода, какъ во Франціи, но дѣлалъ съ большимъ примѣчаніемъ. — Ахъ! у меня не больше осьми копѣекъ мѣлкихъ денегъ: какъ раздѣлялъ мнѣ ихъ на восемь женщинъ и на сколько же мужчинъ, которые меня окружали?

Одинъ изъ послѣднихъ, безъ рубашки, прикрытый одними лоскутьями, стоялъ среди женщинъ. Онъ выступилъ впередъ и повалился мнѣ въ ноги.

„Правосудный Боже! коль премудро соединилъ Ты здѣсь нищету съ обходительностію, тогда какъ во

всѣхъ странахъ свѣша находятся они въ страшной противоположности!“

Я далъ ему копѣйку только за то, что онъ былъ вѣжливъ.

Малорослый бѣднякъ, изъ той же толпы, споялъ прямо прошивъ меня. Прижавъ подъ мышку небольшой лоскутъ шляпы, онъ вынулъ изъ кармана табакерку, и подносилъ ее всей своей убогой братіи. — Подаяніе не бездѣльное — и всякой съ благодарностію отъ него отпакывался. Онъ не переставалъ ихъ усердно упрашивать: понюхайте, пожалуйста понюхайте, говорилъ онъ имъ, оборачиваясь то на ту, то на другую сторону. — Наконецъ они согласились на его прозьбу. —

Жаль, (подумалъ я) что опорожнился твоя табакерка! — Я взялъ у него щепотку табаку, а на мѣсто его положилъ двѣ копѣйки. — Другое мое снисхожденіе было для него пріятнѣе перваго. Это было не что иное; какъ отплата за его вѣжливость; однакожь онъ столько былъ

униженъ, что поклонился мнѣ въ поясъ.

Вотъ шебѣ двѣ копѣйки, сказалъ я старому безрукому солдапу, изнуренному службою.

Да здравствуетъ Король! вскричалъ старой солдашъ.

У меня оставалось при копѣйки. Одну я подалъ просившей Христа ради: это была женщина, съ вывихнутою ногою, которая не напрасно призывала имя Господне.

„Мой любезной и прещедрой Англинской Милордъ! . . .

Какъ же отказать этому? *Милордъ Англинской!!!* — одно названіе стоило денегъ. Я подалъ ему послѣднюю копѣйку. Но во время раздачи я не примѣшилъ одного застѣнчиваго нищаго, который не имѣлъ никакого за себя ходатая, и, можешь быть, — скорѣе согласился бы умереть съ голода, нежели просить милосшыни. — Онъ, въ отдаленіи

опъ прочихъ, стоялъ близъ моей коляски и оширалъ слезы. Видъ его показывалъ, что его утро было не сумрачное — Боже мой! подумалъ я: у меня не оспалось ни одной копѣйки! — Ты имѣешь ихъ тысячи, говорило мое сердце. — Я подошелъ къ нему — и далъ. . . . За чемъ сказывать сколько? . . . Мнѣ стыдно теперь о томъ вспомнить; а еще стыднѣе было тогда, какъ я давалъ ему такую малость. Однакожь я не хочу обременять голову моего Чипашеля; не хочу заставляяъ его долго опгадывать: — я далъ ему два ефимка.

Я ничего не могъ дать больше другимъ. — Богъ дастъ! сказалъ я имъ.

Дай Богъ тебѣ здоровье! закричали старой солдатъ, малорослой и другіе, получившіе отъ меня подаяніе. Застѣнчивой бѣднякъ не могъ вымолвить ни слова. Онъ опошелъ въ сторону, чтобъ скрыть свои слезы; и мнѣ казалось, что онъ благодарилъ меня больше всѣхъ.

Л о ш а к ъ.

Лишь только кончилась вся эта церемонія, какъ съ неописаннымъ удовольствіемъ прыгнулъ я въ коляску, а Лафлеръ съ большими своими сапогами вскочилъ на *лошака*. — Онъ имѣлъ на это столько же права, сколько Владѣльней Князь — и былъ столько же щастливъ. Но что значилъ счастье и величество на этой обманчивой сценѣ міра? Въ немъ нѣтъ ничего швердаго, ничего постояннаго!

Мы не отвѣхали еще одной мили, какъ издохшій оселъ на всемъ скаку остановилъ Лафлера. *Лошака* его ни взадъ ни впередъ не двигался. Споръ ихъ смановился жарче. Ни Лафлеръ *лошаку*, ни *лошака* Лафлеру уступить не хотѣли. Судьба благопріятствовала больше скотинѣ: бѣдный противуборникъ былъ побѣжденъ, вышибенъ изъ сѣдла и опрокинутъ на землю.

Лафлеръ съ геройскимъ духомъ перенесъ свое паденіе. *Экой дьяволъ!*

говорилъ онъ приподнимаясь — и влѣзши опять на *лошака*, началъ его опдывать палкою.

Лошакъ не дѣлался отъ того уступчивѣе; онъ бросался во всѣ стороны, а къ ослу не подходилъ. Лафлеръ хопѣлъ непременно поспавить на своемъ: онъ повернулъ *лошака*, пришпорилъ — *лошакъ* брыкнулъ и — опять сбросилъ Лафлера.

„Что сдѣлалось твоему *лошаку*, Лафлеръ?“

Эпа, сударь, самая преупрямая скопина.

„За чемъ ее приневоливать, естьли она такъ упряма? пускай идетъ, какъ хочешъ.“ —

Лафлеръ ударилъ его еще. *Лошакъ* повернулся и поскакалъ прямехонько въ Монстріуль. — *Чортъ тебя побери!* вскричалъ ему Лафлеръ.

Не мѣшаетъ кажется дать примѣнить, что хотя Лафлеръ употребилъ при двухъ непріятныхъ съ нимъ случаяхъ двѣ различныя присловицы, но на Французскомъ языкѣ — есть еще и прешья. Онѣ соотвѣтствуютъ грамматическимъ правиламъ, раздѣляюся на *положительное*, *уравнительное* и *превосходное*. Каждая изъ этихъ присловицъ употребляется, смотря по важности обстоятельствъ.

Дьяволъ есть первая степень — и степень *положительная*. Она употребляется въ обыкновенныхъ движеніяхъ духа и при малыхъ непріятностяхъ, какъ - то: еслили ошибешся играя въ карты, или невольно выскочешъ изъ сѣдла, какъ Лафлеръ; или — когда мужъ *застанетъ*, что жена его *изволитъ* *ковать ему рога*. — Все это такія бездѣлицы, за которыя во Франціи никакъ иначе не бранятся.

Но въ такихъ приключеніяхъ, гдѣ досада идетъ не на шутку, какъ на примѣръ: *бѣжалъ лошаки*,

и оставилъ Лафлера на землѣ въ большихъ сапогахъ — тогда не лзя иначе выразить, какъ вшорю степенью, то есть: *чортъ тебѣ по-бери!*

Что касается до прешей . . . сердце мое надрывается съ досады, когда вспомню, что такой просвѣщенной народъ употребляетъ поль безстыдное выраженіе. — Но на Французскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ лучшихъ. И какія бы ни случились со мною непріятности — я рѣшился никогда не извѣснять неудовольствіе мое по Французски.

Лафлеръ не дѣлалъ съ собою такого договора. Онъ не спускалъ съ глазъ своего *лошакка*, и какъ онъ уже пропалъ изъ виду — легко можно отгадать, какою степенью извѣснялъ тогда Лафлеръ свою досаду!

Съ такими превеликими сапогами, какіе были на Лафлерѣ, не было средства догнать во всю прышь скачущаго *лошакка*. Оставалось два

способа : или поставишь Лафлера назади коляски , или посадишь въ оную. — Послѣдній казался мнѣ лучше. Я посадилъ его рядомъ съ собою , и мы черезъ полчаса приѣхали на станцію въ Нампонишъ.

Мертвый оселъ.

— „Вотъ корка хлѣба ! (говорилъ какой-то старикъ , вынимая ее изъ своей сумки) : я раздѣлилъ бы ее по поламъ съ тобою , ешьли бы ты подолѣе пожилъ.“

Я думалъ , что говорилъ онъ это своему сыну ; но вмѣсто того — *ослу* , и тому самому , кошорой попался намъ на дорогѣ и надѣлалъ столько бѣдъ Лафлеру. Бѣдный старикъ такъ много горевалъ , что я потчасъ вспомнилъ такую же печаль , случившуюся однажды съ Санхо - Панхомъ. Скорбь старика была гораздо естественнѣе.

Онъ сидѣлъ у воротъ на камнѣ. Попона и узда *осла* его лежали съ

боку. Онъ бралъ ихъ нѣсколько разъ — задумывался, и они выпадали изъ рукъ его. Онъ смотрѣлъ на нихъ пристально. Потомъ взялъ свою черствую корку, какъ бы хотѣлъ ее ѣсть; но подержавъ ее нѣсколько минутъ вонъ рта, положилъ на удило — взглянулъ на нихъ помными глазами, и — тяжко вздохнулъ.

Простодушная печаль его собрала къ нему множество народа; и между тѣмъ, какъ впрягали лошадей, Лафлеръ также умножилъ собою число любопытныхъ. Я не выходилъ изъ коляски; мнѣ все было видно и слышно.

Старикъ рассказывалъ имъ, что онъ ѣдетъ изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ Франконіи, былъ въ Гишпаніи, и опшолъ возвращаеися на свою родину. Всякой желалъ любопытно знать, что могло принудить бѣднаго старика предпринять такой дальній путь.

„Увы! (говорилъ онъ) Богъ мнѣ далъ трехъ сыновей, прекра-

сныхъ и любезныхъ. Оспа лишила меня двухъ первыхъ. Меньшой шакже спрадалъ ею; я боялся пошерашь послѣдняго, и — общался, еспьли онъ выздоровѣетъ, сбѣздитъ на поклоненіе Св. Іакову въ Компоспеллу. “

Тутъ онъ остановился — и зарыдалъ горько. „Богъ услышалъ мои молишвы, (продолжалъ онъ) и меня помиловалъ. Я опсправился изъ моей хижины на эшомъ *осла*; онъ раздѣлялъ со мною въ дорогѣ всѣ шрудности; мы пишались съ нимъ однимъ кускомъ; онъ былъ мой поварищъ и другъ.“

Всѣ принимали участіе въ печали спарика. Лафлеръ подалъ ему деньги. . . уѣбруя, что онъ никакой въ нихъ неимѣетъ нужды.

„Ахъ! опвѣчалъ спарикъ: я жалѣю не о цѣнѣ *осла*, но собспвенно о немъ: онъ очень любилъ меня!“

Потомъ рассказалъ имъ объ одномъ несчастномъ приключеніи, слу-

чившемся съ ними на переходъ Пиринейскихъ горъ , гдѣ потерявъ своего *осла* , при дни искали другъ друга , и во все это время они оба ничего не могли бсть.

По крайней мѣрѣ , мой другъ ! сказалъ я ему : себя по ушѣшишь можешь , что ты былъ для него доброй хозяйнѣ. —

„Ахъ , милоспивый государь ! въ то время думалъ я сбъ этомъ , когда бѣдной мой *оселъ* живѣ былъ ; но теперь я думаю не то : можешь бышь излишняя моя шягость сократила дни его ; можешь бышь — я его убійца.“

Какой спыдъ челоѣкамъ ! рассуждалъ я : о ешъли бы любили они такъ другъ друга , какъ любилъ спарикъ *осла* своего ! . . .

П о т т а л і о н ъ .

Это произшествіе очень меня пронуло. *Потталіонъ* , не смотря на то , по-скакалъ во всю прышь по мосшовой.

Томимый жаждою среди песчаныхъ Аравійскихъ пустынь, не столько желаетъ найти источникъ, сколько желалъ я пихаго движенія. Какъ мнѣ хотѣлось, чтобъ *почталіонъ* побѣхалъ пише! Но въ эту самую минуту, какъ старикъ кончилъ свою повѣсть, онъ такъ приударилъ по лошадямъ, что я совсѣмъ отчаялся въ моемъ желаніи.

„Ради Бога! (кричалъ я ему) ради Бога, пише!“ — Но чемъ больше я кричалъ, тѣмъ сильнѣе погонялъ онъ лошадей. — „Чтобъ чортъ тебя побралъ! ты до тѣхъ поръ будешь скакать, пока меня разсердишь; а тамъ побѣдешь ниго для того, чтобы взбѣсиль меня.“

Такъ и сдѣлалось. *Почталіонъ*, подбѣхавъ къ горѣ, побѣхалъ шагомъ. Я разсердился на него, а на себя — еще болѣе. На эту пору добрая рысь много бы меня позабавила, но . . .

„Сступай, мой другъ, пожалуйста проворнѣе.“ — Я хотѣлъ вспомнить о исторіи бѣднаго Нѣмца и

его *осла*, но забылъ связь повѣствованія. Мнѣ также не возможно было ее сообразить, какъ и *почти* *лиончу* проворнѣе бѣхашь.

Я чувствую, что хочу дѣлать лучше; но — дѣлаюсь хуже. Какъ бышь! все къ лучшему!

Природа всегда подаетъ въ горестяхъ нашихъ какую нибудь опраду: я заснулъ, и — проснулся при самомъ вѣздѣ вѣАміенѣ.

„О! о! (сказалъ я, проширая глаза) вотъ сюда-то прикашитъ и пригоженькая Графская сеспричка!“

А м і е н ъ.

Едва я вымолвилъ, какъ Графъ Л* съ сестрою своею проскакали мимо меня. Она поклонилась мнѣ такъ, какъ будто бы хотѣла что нибудь сказать. — Я еще не успѣлъ опужинать, какъ слуга ея брата принесъ ко мнѣ отъ нее записку. Она просила, чтобъ я въ первое свободное

утро въ Парижѣ отнесъ приложенное письмо къ Госпожѣ Р*, и прибавляла въ немъ: что крайне сожалѣетъ, что не успѣла рассказать мнѣ свою исторію; но если я когда нибудь въ проѣздѣ чрезъ Брюксель не забуду имя Госпожи Л*, тогда она надѣется имѣть это удовольствіе.

Я полечу въ Брюксель, говорилъ я самъ себѣ: полечу тебя видѣть, любезная женщина! Мнѣ никакого не будетъ затрудненія. Возвращаясь изъ Италіи, проѣду черезъ Германію въ Голландію. Что за пятость завернуть въ Брабантъ! больше не будетъ десяти лишнихъ станцій. Хотя бы было ихъ и тысячи — я всѣ ихъ перескачу. Какою сладостною наградою увѣнчается мое путешествіе, когда красавица начнетъ сама рассказывать мнѣ свои несчастныя приключенія! Какое блаженство видѣть ея слезы! — осушишь ихъ! Но если бы мнѣ этого не удалось, то и это ужъ не малое счастье — собственными руками опираться слезы съ алыхъ щекъ красавицы!

Хотя и не было у меня никакого умысла, однакожь сердце мое довольно оскорбилось. Я всегда наслаждался счастьемъ любить какуюнибудь прекрасную. Последнее пламя мое, угасшее отъ ревности, мѣсяца съ три тому, какъ опять возгорѣлось въ прелестныхъ глазахъ Лизеты, и въ душѣ моей. Я клялся ей, что эшотъ огонь во все пупешествіе жарко во мнѣ пылать будетъ. За чемъ шайшь? Я клялся ей въ вѣчной вѣрности — и она получила полное право надъ моимъ сердцемъ. Раздѣлишь мою нѣжность съ другою — значитъ уменьшишь власть Лизеты; извѣснись ее передъ другою значить — подвергнуться опасности. Гдѣ пускающся на удачу, тамъ скорѣе теряющъ. — И тогда, Йорикъ! что будешь отвѣчать ты на жалобы сердца, преисполненнаго къ тебѣ довѣренности, сердца добраго, нѣжнаго? Достойно ли это прощенія? Нѣтъ! я не загляну въ Брюксель. Но, между тѣмъ, воображеніе мое вспомоществуетъ Лизетѣ: оно представляетъ мнѣ ее. Я никого, кромѣ Лизеты, не вижу. Я вспоминаю взгля-

ды ея въ послѣднюю минушу нашей разлуки, когда ни она, ни я не могли выговорить горестнаго *прости!* — „Не пивой ли это поршрешъ, милая Лизета? Не ты ли его сама — на черной леншѣ надѣла мнѣ на шею? —“ Я краснѣлъ, смотря на него . . . хотѣлъ поцѣловать, но не смѣлъ прикоснуться моими губами. Развѣ надобно этому прекрасному цвѣтку поблекнуть до самаго корня? поблекнуть! — Йорикъ! не ты ли общался защищать его на груди своей?

Источникъ вѣчнаго счастья, и вы, души безсмертныя! вскричалъ я, упавъ на колѣна: будьте свидѣтелями, что я ни куда не поѣду безъ Лизеты, хотя бы это меня вело къ вѣчному блаженству.

Въ подобныхъ изступленіяхъ сердце всегда говоритъ больше разсудка.

П и с ь м о.

Фортуна не благопріятствовала Лафлеру. Рыцарскіе подвиги не удались ему; и въ цѣлыя сутки онъ не успѣлъ еще ни въ чемъ опличиться. Слуга Графа, принесшій ко мнѣ *письмо*, доставилъ ему благопріятный случай оказать свое усердіе. Онъ позвалъ его въ корчму, и подчивалъ самымъ лучшимъ Пикардскимъ виномъ. Гость, зная довольно правила вѣжливости, и не любя быть въ долгу, повелъ Лафлера въ практиръ, гдѣ остановился его баринъ. Веселой и пріятной его нравъ созвалъ къ нему множество людей. Онъ — какъ добрый Французъ — никогда не былъ застѣнчивъ на открытіе своихъ дарованій, и меньше нежели въ пять минутъ, принялся за свою флейшу. Женщины, дворецкой, лакей, повара, прачки, кошки, собаки, даже до старой обезьяны — все заплясало и запрыгало. Никогда въ этой кухнѣ не было такой веселости.

Госпожа Л*, возвращаясь отъ брата въ свою комнату, и удивив-

шись такому необычному шуму, послала женщину о томъ освѣдомиться; и узнавъ, что въ кухнѣ забавляешся слуга Англинскаго дворянина, приказала позвать его къ себѣ.

Лафлеръ, всходя по лѣстницѣ, запасъ себя множествомъ учтивыхъ привѣтствій со стороны своего господина. Онъ надѣлалъ ей тысячу вопросовъ о ея здоровьѣ, прибавя, что баринъ его придетъ въ отчаяніе, еслили узнаетъ, что она обезпокоена такъ много своимъ путешествіемъ, и что онъ былъ въ превеличайшемъ восхищеніи отъ ея *писма*.

Да! прервала Госпожа Л*: это было очень примѣтно изъ его записки.

Она произнесла это такимъ грознымъ тономъ, что бѣдной Лафлеръ спалъ въ пень, и не смѣлъ никакого дѣлать ей возраженія. Онъ дрожалъ, какъ листъ, и боялся, не сдѣлалъ ли я какойнибудь невѣжливости;

боялся, чтобъ не сочли его безумцемъ за то, что онъ привязанъ къ такому человѣку, которой не умѣешь сохранять уваженія къ женщинамъ. —

Не принесъ ли ты отъ своего барина еще какой записочки? —

О! безъ сомнѣнiя, сударыня! подхватилъ проворной слуга: превеликую и преогромную,

Сказавъ это, Лафлеръ бросилъ шляпу и началъ ошаривать по всѣмъ карманамъ. — Что за дьявольщина! вскричалъ онъ, потерявъ надежду отыскать то, чего никогда не бывало. Онъ вываливалъ на полъ всю свою рухлядь: бришвенную замасленную занавѣску, худой платокъ, изломанной гребень, нахвостникъ съ арапника, колпакъ и множество еще кой-какой дряни; но записки нигдѣ не было. Наконецъ смотрѣлъ и въ шляпѣ — и тамъ не было. Лафлеръ масперски игралъ свою ролю, и въ отчаянiи чуть чуть не махнулъ прешьей Французской *присловицы*. — „Ахъ, сударыня! простите меня,

простите великодушно; я забылъ ее у себя на сполѣ; я потчасъ за нею сбѣгаю, и — въ при минушы явлюсь къ вамъ.“

Я оканчивалъ мой ужинъ, какъ Лафлеръ, прибѣжавъ ко мнѣ благимъ машомъ, объявлялъ о всемъ своемъ походе сѣ природною его простотою. — „Ну, сударь! продолжалъ онъ: естли вы какимъ нибудь образомъ забыли отвѣчать на ея *письмо*, то вопъ прекрасный случай поправиль вамъ свою ошибку. Впрочемъ воля ваша!“

Я былъ долго въ нерѣшимости, писать ли мнѣ къ ней, или нѣтъ. Меня никогда не учили, что дѣлать въ такихъ положеніяхъ. Но совсѣмъ тѣмъ, и самъ чертъ не могъ бы разсердиться на Лафлера. Всѣ его проказы происходили отъ чрезмѣрнаго ко мнѣ усердія. Хотя бы онъ и ошибся въ чемъ, или естлибъ онъ меня и въ дураки записалъ, и тогда я право не разсердился бы за его доброе сердце. — Я колебался, а Лафлеръ сдѣлалъ такую мину,

какъ будто бы славный полищикъ, умѣвшій возстановить миръ въ цѣлой Европѣ.

„Спасибо, Лафлеръ! спасибо; выдумка преудивительная! —“

Обрадованный Лафлеръ, какъ изъ луку стрѣла пустился за всѣми нужными припасами къ *письму*; и возвращаясь въ одну минушу, положилъ все на столъ. Онъ придвигалъ его ко мнѣ съ такимъ убѣдительнымъ видомъ, что, по чести, не возможно было отказать, чтобъ не писать.

Но что писать? Начинать, марать, перемарывалъ, запачкалъ листовъ пять, а толку не было. Голова моя была пуста, и Геній мой улетѣлъ за придевять земель.

Лафлеръ полагалъ, что вся бѣда происходитъ отъ густоты чернилъ. Онъ принесъ воды и разжидилъ ихъ; потомъ положилъ возлѣ меня песокъ и сургучъ. Но всѣ эти пособія ни на волосъ не помогали. Что ни пи-

салъ, все была такая нескладица, такая чепуха, что принужденъ былъ рвать, или жечь. — „Провалъ себя возьми! вскричалъ я выбившись изъ силъ: какъ возможно не умѣшь написать такого сквернаго *письма*!“ и съ досады — забросилъ перо.

Лафлеръ, примѣняя мое замѣшательство, подошелъ ко мнѣ съ униженіемъ, и извиняясь въ своей смѣлости, докладывалъ, что у него въ карманѣ есть *письмо*, которое можетъ быть облегчить мои труды. Это *письмецо*, сударь, (продолжалъ онъ) писалъ барабанщикъ, одно-полчанинъ мой, къ капральской женѣ. Обстоятельства очень сходствуютъ съ вашими; и мнѣ кажется, что избѣгая лишнихъ хлопотъ, стоило бы только подмахнуть вамъ свое имя.

Въ иное время — я умеръ бы со смѣху, а на ту пору крайне былъ доволенъ.

Онъ выхватилъ изъ запасухи зашасканную записную книжку, на-

полненную любовными швореніями; развязалъ веревочку, и выбросилъ изъ нее всѣ бумаги на столъ. Потомъ, перебирая ихъ по одичавкѣ, подалъ мнѣ одну. Я читалъ *письмо*:

„Государыня моя!

Нечаянное возвращеніе капрала, лишившее насъ всѣхъ способовъ видѣться, повергло меня въ опчаяніе и взорвало все сердце.

Да здравствуетъ надежда! Можемъ быть и скоро увидимся, потому что я ни о чемъ, кромѣ васъ, не думаю.

Любовь безъ чувствъ ничего не значить; а чувства безъ любви — и того меньше.

Опчаяваться никогда не должно: все идетъ къ лучшему.

Я слышалъ, что господину капралу достанется въ будущую среду на караулъ: вошь и на нашей улицѣ праздникъ!

Наконецъ увѣрю васъ, что сердце мое напряжено къ вамъ такъ туго, какъ самая хорошая шелячья шкура на лучшемъ барабанѣ.

Имѣю честь бытъ,
Государыня моя!

со всѣми нѣжнѣйшими ощущеніями
Яковъ Рокъ.“

Надобно только мнѣ было пожаловать *капрала* — Графомъ; не говорить о *караулѣ* и не упоминашь о *телячьей шкурѣ*; впрочемъ оно годилось. И такъ, чтобы утѣшить бѣднаго Лафлера, дрожащаго за мою честь, я поправилъ *письмо* его на свой ладъ, запечаталъ и отдалъ ему. Лафлеръ отнесъ его къ Госпожѣ Л*, и поутру выѣхали мы въ Парижъ.

П а р и ж ъ.

Прекраснѣйшій городъ, особливо у кого есть деньги. Какъ можно жить въ немъ весело!!!

Но бѣдному дворянину, которой долженъ по немъ ходить пѣшкомъ, гораздо лучше отъ него удалиться, и закупориться въ своемъ кабинетѣ, естли только можетъ онъ быть для него пріятенъ.

Оставшись одинъ въ комнатѣ — признаюсь, я не такъ спалъ думать, какъ прежде. Подошелъ къ окну, и увидѣлъ толпу народа, въ разноцвѣтныхъ кафшанахъ, бѣгающую по разнымъ сторонамъ. Иные были въ рыцарскомъ одѣяніи, другіе — въ драгоценныхъ восточныхъ тканьяхъ, и всѣ — какъ древніе рыцари, другъ передъ другомъ старались опличиться на ристалищѣ.

Увы! бѣдной Йорикъ! тебя за чемъ сюда Богъ занесъ? Едва ты показался, какъ уже блестящая толпа превратила тебя въ пылинку. Бѣги скорѣе въ какойнибудь глухой переулокъ, куда не проникаетъ свѣтъ фонарей, и гдѣ не слышно стуку каретъ: тамъ можешь ты проводить свое время; тамъ найдешь, можетъ быть, какую-нибудь собесѣд-

ницу, которая прогонитъ твою скуку; такое сопопарищество будетъ для тебя повыгоднѣе.

Я умру съ грусти! вскричалъ я, вынимая изъ записной книжки письмо, которое поручено мнѣ было отнести. Я пойду къ госпожѣ Р*, и сдержу свое слово. — Лафлеръ! —

„Чего изволише, сударь!“

Сходи за парикмахеромъ, а послѣ почисти плашье.

П а р и к ъ.

Входитъ парикмахеръ. Онъ взглянулъ на *парикъ*, и на отрѣзъ отъказался поправлять его: или онъ не умѣлъ его выправить, или въ самомъ дѣлѣ онъ не стоилъ того. — Что же мнѣ дѣлать? спросилъ я его. —

„Надобно, сударь, купишь другой, новаго фасона; у меня есть всякіе; выбирайше любой.“ —

Принеси же , мой другъ ; по-
смотримъ. —

Онъ вышелъ , и пошчасъ воз-
вратился съ пятью , или шестью
париками.

„Эпошъ , сударь , удивительно
какъ вамъ къ лицу!“ —

Хорошо , я его куплю но
боюсь , чпобъ эша букля скоро не
развилась. —

„Э ! баринъ , хопъ вѣ море оку-
ни , такъ ничего не сдѣлаешся.“

Какъ вѣ Парижѣ все величествен-
но ! Вѣ Англии и самой Королевской
парикмахеръ не выдумалъ бы больше,
какъ обмакнуть вѣ ушатъ воды.
Ушатъ и море — какая разница ! какъ
мигъ съ вѣчностью.

Признаюсь : всякая тупая рѣчь
для меня также несносна , какъ и
ограниченное воображеніе , отъ кото-
раго беретъ она свое начало ; я все-
гда ушѣшаюсь великими произведе-
ніями Природы ; и ешьли бы возмож-

но было, я не хуже бы парикмахера употреблялъ часпо въ сравненіи море. Все, что можно сказать въ этомъ случаѣ о превосходномъ Французѣ, есть то, что ихъ величество больше на словахъ, нежели на дѣлѣ.

Какъ ни лестно мнѣ было познаніе о недѣйствіи морской силы надъ буклюю, но по несчастію Парижъ такъ удаленъ отъ моря, что мнѣ никакъ невозможно было проскакать сто миль, для испытанія парикмахерова предложенія. — Между тѣмъ онъ молчалъ.

Ушатъ воды хоща кажешся и ничто прошивъ моря, но въ это время онъ гораздо былъ лучше, потому что его скорбе можно найти, и испытать въ немъ чудесную крѣпость букли.

Правду сказать: Французъ всегда думаетъ больше, нежели сдѣлать можетъ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажешся.

Я не знаю — можетъ быть и ошибаюсь; но мнѣ кажется, что таковыя бездѣлицы выказываютъ болѣе народный характеръ, нежели Государственныя дѣла. . . .

Парикмахеръ непременно хотѣлъ оплечиться своимъ *парикомъ*, и для того причесывалъ его до шѣхъ поръ, какъ я почувствовалъ, что было поздно идти къ госпожѣ Р*. — Но кто уже одѣтъ такимъ образомъ, чтобъ бѣжать въ гости, тотъ не раздумаетъ за такую бездѣлицею. Записавъ имя моего хозяина, я отправился въ путь. Какая нужда обдумывать прежде, куда мнѣ идти. — Можно успѣшь и дорогою.

П у л ь с ъ.

И малая пріятность путь жизни нашей дѣлаемъ отрадѣе, щаспливѣе. Прелести и красота располагаютъ насъ къ любви, и растворяютъ двери въ ея храмъ, въ копорой мы нечувствительно входимъ.

Сдѣлайте одолженіе, сударыня! скажите мнѣ, куда пройди къ Теашру? —

„Съ превеликимъ, сударь, удовольствіемъ!“ отвѣчала мнѣ одна модная торговка, къ которой я забрелъ въ лавку.

Я заглядывалъ въ пять или шесть лавокъ, чтобъ сыскать какое нибудь швореніе, которое не наморщилось бы отъ моего вопроса. Эта мнѣ понравилась больше всѣхъ — и я вошелъ.

Она сидѣла на скамейкѣ, противъ самой двери, и вышивала манжеты. — „Съ превеликимъ, сударь, удовольствіемъ!“ отвѣчала она: и встала съ такимъ веселымъ видомъ, какъ будто я у ней купилъ на пятьдесятъ луйдоровъ; — и тогда я не больше подивился бы ея вѣжливости.

„Надобно, сударь — говорила она, подойдя со мною къ двери и указывая на улицу: — пошчасъ поворошишь на лѣво. Но не ошибешься:

не въ первую улицу, а въ другую. Въ нѣкоторомъ отдаленіи вы увидите церковь; пройдя ее, поверните на право, и по этой улицѣ придете вы прямо къ Новому мосту (Pont Neuf). Тамъ всякой съ охотою укажетъ ошашокъ дороги.“

Она швердила мнѣ о томъ нѣсколько разъ съ такимъ шерпѣніемъ и благосклонностію, что казалось, великое принимала участіе въ томъ, чшбъ я не сбился съ дороги — участіе, свойственное душамъ чувствительнымъ.

Эта женщина — хощя и незнашнаго происхожденія, но была опмѣнно хороша собою. Однакожь не красота ея обратила мое вниманіе. Одно шолько шо помню, что я вышаращилъ на нее глаза, и благодарилъ ее всѣми силами. Я повторилъ ей шолько же разъ мою благодарность, сколько она мнѣ свое наставленіе.

Я не отошелъ и десяти шаговъ, какъ забылъ все, что она мнѣ ни говорила. Оглянувшись назадъ, уви-

дѣла, что она еще стояла у дверей, и какъ будто смотрѣла, по той ли я пойду дорогѣ. Я ворошилсѣ и спрашивалъ у ней сѣ изнова. „Простите меня, сударыня! я все забылъ.“

„Возможно ли такъ быть безпамятну!“ ошвѣчала она сѣ устѣшкою.

„Очень, сударыня, возможно, и всегда случается, когда больше помнишь о томъ, кто говоритъ, нежели о томъ, что говорятъ.“

Я сказалъ совершенную правду, и она приняла это такъ же, какъ принимаютъ всѣ женщины — она меня поблагодарила.

„Подождите, сказала она удерживая меня за руку, подождите немного. Я пошлю по этой дорогѣ мальчика, опнести перчатки; онъ васъ проведитъ до самаго Театра, а между тѣмъ извольте войти въ лавку.“ — Она его кликнула, и приказавъ ему скорѣе сбираться, сѣла

на скамейку; а я, снявъ пяльцы съ манжешами — подсѣлъ къ ней.

„Спупай же скорѣе, Францискъ! говорила она. Не взыщете, сударь, что я васъ задержала; онъ сей же часъ готовъ будетъ.“ —

Я желалъ бы очень, сударыня, бытъ на эпошъ часъ столько краснорѣчивымъ, чтобъ умѣлъ возблагодарить васъ соразмѣрно вашимъ одолженіямъ. Иногда благодѣяніе дѣлается и по нечаянности; но когда уже увеличивается его дѣйствіе, то это знакъ добраго характера. Если сердце обмывается пою же кровію, которая течетъ по всѣмъ жиламъ: то я увѣренъ — продолжалъ я, взявъ ея руку, — что нѣтъ на свѣтѣ женщины, у которой бы *пульсъ* былъ лучше вашего.

Для чего тебя нѣтъ со мною, мой другъ? Ты увидѣлъ бы меня въ черномъ кафтанѣ, съ важнымъ видомъ занимающагося біеніемъ *пульса*, съ такою же внимательн спію, какъ занимается лѣкарь надъ больнымъ,

страдающимъ жестокою лихорадкою. Ты посмѣялся бы надо мною отъ всего сердца ; а можетъ бышь далъ бы и доброе поученіе. Пустое ! пускай смѣялся бы ты какъ хотѣлъ ; а я — не слушалъ бы твоей проповѣди. Повѣрь мнѣ, мой другъ ! многіе на свѣтѣ люди проводятъ время свое гораздо хуже, нежели я. Щупать *пульсъ* у пригожей женщины, право не такъ — то дурно ! Когда душа моя удалена отъ злыхъ намѣреній, то пусть говорятъ, что угодно ; никакое злословіе меня не уколетъ.

М у ж ъ.

Пульсъ пробилъ двадцать разъ, и я пустился бы считать и до сорока, естли бы не вошелъ къ намъ какой-то мущина и не прервалъ тѣмъ моего счета. —

„Не безпокойтесь, сударь ! это мой *мужь*, сказала она : онъ не поѣмаетъ вашему упражненію.“ —

Я началъ вновѣ пересчитывать. —

„Баринъ этакъ такъ снисходителенъ, говорила она, оборотясь къ своему мужу, что проходя мимо моей лавки, зашелъ *щупать* у меня *шляпъ*.“ —

Мужъ скинулъ шляпу, поклонился, поблагодарилъ меня за снисхождение, надѣлъ опять шляпу, — и ушелъ вонъ.

Боже мой! подумалъ я: возможно ли, чтобъ это былъ ея *мужъ*!

Множество людей, хотя совершенно знаютъ причину, побудившую меня къ такому восклицанію, но со всѣмъ тѣмъ будутъ недовольны моею нескромностію. А — Богъ съ ними!

Купецъ Англичанинъ, и жена его, составляютъ одно нераздѣльное существо. *Мужъ* — оплочается понокосію ума и крѣпосію тѣла, а жена имѣетъ всѣ прелести, рав-

ныя доспешнствамъ мужа. Соединя все это вмѣстѣ, они — одинъ на другога такъ похожи и согласны, какъ только можно быть согласну мужу съ женою.

Въ Парижѣ совсѣмъ не такъ водится: полное распоряженіе надъ лавкою не зависитъ отъ мужа; она подъ самодержавнымъ владычествомъ жены. Мужъ, будучи въ званіи гостя, весьма рѣдко приходитъ въ лавку; онъ почти безвыходно бываетъ въ заднемъ своемъ прилавкѣ, или въ какой-нибудь темной комнатѣ, гдѣ надвинувъ колпакъ — сидитъ одинъ одиноконекъ. Онъ посреди людей остаётся такимъ же неопесаннымъ болваномъ, какимъ произвела его Природа. Женщины — черезъ непрерывное болтанье со всѣми входящими — уподобляются различнымъ камнямъ, которые перетираясь другъ о друга, изглаживаютъ свою шероховатость, и принимаютъ иногда и видъ и блескъ алмаза. Во Франціи женщины управляютъ всѣмъ, кромѣ Государства.

„Каковъ , сударь, кажешся вамъ мой *пучокъ*? —

Такъ тихъ и хорошъ , какъ нельзя лучше. —

Она хотѣла мнѣ что-то говорить , но Францискъ, войдя къ намъ, докладывалъ ей , что перчатки голшвы. Куда прикажете ихъ нести? —

Постойте , сказалъ я : мнѣ надобно самому ибсколько паръ.

Перчатки.

Пригожая шорговка вспала со скамейки , подошла къ шкафу и вынула связку *перчатокъ*. Я началъ примѣривать , но *перчатки* были всѣ широки. Она надѣвала ихъ сама мнѣ на руки , но и ошъ этого онѣ ни мало не сбузивались. Наконецъ выбравъ одну пару поменьше , просила меня ее примѣрять. Она развернула , и рука моя безо всякой оспановки

въ нее проскочила. — Нѣтъ, сударыня, и эши не годятся, сказалъ я ей покачавъ немного головою. —

„Да, сударь! и я вижу, что не годятся“ — отвѣчала она покачавъ также головою.

Есть такіе вразумительные взгляды, которые чрезъ смѣшеніе различныхъ ощущений, происходящихъ отъ разныхъ страстей душевныхъ, извѣсняютъ гораздо повѣннѣе, нежели можно извѣснить на всѣхъ языкахъ, открывшихся при столпопвореніи Вавилонскомъ. Они овладѣваютъ нами съ такою спремительностію, что не возможно узнать скоро — къ добру, или къ худу они ведутъ. Что касается до меня, я предоставляю господамъ Проповѣдникамъ стараться наполнить эшимъ разсужденіемъ свои проповѣди; а я скажу только то, что *перчатки* не годились мнѣ. Облокопившись на столъ, руки наши сжались какимъ-то образомъ такъ плотно, что едва оста-

лось мѣсто для свершка съ *перчатками*.

Молодая торговка взглядывала на *перчатки* — потомъ на окно — а шамъ оляшь на *перчатки*, а потомъ на меня. Она не говорила ни слова, а я не хотѣлъ прерывать ея молчанія: я старался во всемъ ей послѣдовать. Глаза мои — такъ же какъ и ея — обращались попеременно: то на нее — то на окно — то на *перчатки*, то оляшь на нее.

Умспвенныя мои нападенія были для меня невыгодны. Ея черные живые глаза, копорые сквозь долгія, густыя ресницы бросали огненные взоры — споль разительные, что проникали въ самую глубину сердца. Это мжетъ показаться спраннымъ, — но подлинно шаково было впечатлѣніе, копорое она произвела во мнѣ.

Что нужды! сказалъ я, положи въ себѣ въ карманъ двѣ пары *перчатокъ*; хопя онѣ немного и не въ пору, но я ихъ исправлю.

Она не взяла съ меня ни одной копѣйки лишней. Такое безкорыстное чувствительно меня пронуло. Мнѣ бы хотѣлось . . .

„Не ужели вы думаете — спросила она, какъ будто узнавъ мою мысль, — что я захочу взять лишнее съ иностранца, и еще шакого, котораго одна вѣжливость, — а не нужда — побудила купить совсѣмъ негодныя для него перчатки? Я этого никогда отъ васъ не ожидала!“

Отъ меня? Помилуйте, сударыня! есльи бы вы и въ самомъ дѣлѣ запросили дороже; но и тогдабъ я не смѣлъ вамъ противорѣчитьъ.

Заплата деньги, и поклонясь ей гораздо ниже обыкновеннаго — вышелъ вонъ; а мальчикъ пошелъ за мною.

П е р е в о д ъ.

Мнѣ досталось сидѣть въ ложѣ съ однимъ старымъ Офицеромъ. Я люблю военныхъ людей; служба смягчаетъ добрые нравы такъ же, какъ и развращаетъ дурные. Капитанъ Щанди былъ точно таковъ. Я не могу безъ крайняго прискорбія вспомнить, что смерть лишила меня въ немъ наилучшаго друга. Размышляя о добромъ его сердцѣ и хорошей душѣ, у меня всегда навертываются слезы. По этой - то причинѣ я люблю всѣхъ заслуженныхъ людей.

Я перешагнулъ двѣ лавки, и сѣлъ возлѣ стараго Офицера. Онъ съ большимъ вниманіемъ читалъ какую-то маленькую книжку, и какъ догадаешься можно — шу самую Оперу, которую тогда представляли на Театрѣ. Лишь только успѣлъ я сѣсть, какъ онъ скинулъ очки, и положи ихъ въ футляръ, спрятавъ съ книжкою въ карманъ. Я привсталъ, и поклонился ему.

„Это какой нибудь забвжій бѣ-
„днякѣ пожаловалѣ въ ложу; и по
„видимому не только ни съ кѣмѣ
„незнакомѣ, но естѣли и семь лѣтѣ
„проживетѣ въ Парижѣ, то и пог-
„да никого не узнаетѣ, когда не
„приласкаютѣ его добрые люди —
„кѣмъ которымѣ онѣ сядетѣ подѣ
„бокѣ — и не скинутѣ съ носа свои
„очки. . . Безѣ того, кажешя, не
„скоро онѣ съ кѣмѣ познакомитѣся.“

Я читалѣ все это на его лицѣ,
когда онѣ взглянулѣ на меня; и
естѣли бы старой Офицерѣ взду-
малѣ сказать мнѣ о томѣ и въ слухѣ,
право не лучше бы извѣсилѣ свои
мысли. Не знаю, понялѣ ли онѣ
также хорошо и мой поклонѣ, ко-
торой естѣли *перевестѣ*, то озна-
чалѣ бы: что я весьма чувствую
его ко мнѣ вниманіе, и сердечно благо-
дарю за шо.

Ежели кто умѣетѣ такимѣ со-
кращеннымѣ способомѣ хорошо извѣ-
снятѣся съ другими, то нѣтѣ ни-
чего лучше и удобнѣе кѣ скорѣйшему
знакомству. Не малая выгода знатѣ

искусство сообщашь свои мысли другому одними взглядами и движеніями, безъ всякой помощи языка. Я къ этому привыкъ удивительнымъ образомъ. Прогуливаясь по улицамъ въ Лондонѣ, и встрѣчаясь со многими, я всегда удачно *переводилъ* съ ихъ лицъ. Иногда случалось мнѣ быть въ такомъ обществѣ, гдѣ не слыжалъ болѣе чепырехъ словъ, а я выводилъ изъ того двадцать различныхъ разговоровъ, и — безъ хвастовства сказать могу — никогда не ошибался.

Однажды вечеромъ пошелъ я въ концертъ, и только что хотѣлъ войти въ дверь, какъ въ то самое время Маркиза Ф. . . съ великою порывливостію подскочила къ ней изъ залы. Увидя ее возлѣ себя, и желая дать ей мѣсто, прыгнулъ я въ другую сторону. Маркиза сдѣлала поже, и мы — сполкнулись головами. Она повернулась опять по прежнему, шуда же — куда и меня невольно повернуло; чѣмъ нечаянно — въ другой разъ загородилъ ей дорогу. Коротко сказать: это продолжалось до шѣхъ поръ, пока мы оба покра-

снѣли. Наконецъ я сдѣлалъ то, что съ самаго бы начала должно мнѣ придти въ голову. Я остановился на одномъ мѣстѣ, и Маркиза прошла въ дверь безъ всякаго затрудненія. Я бранилъ себя за свою глупость; и мнѣ казалось непростительно войти въ залу, не исправляя своей ошибки. Я не спускалъ глазъ съ Маркизы. Она дважды обернулась, смотрѣла на меня, и старалась дать мнѣ замѣтить, что она останавливается на одной сторонѣ, и уступаетъ другую проходящему. — Нѣтъ, нѣтъ! рассуждалъ я; эшошъ *переводъ* мнѣ не выгоденъ. — Однакожь она имѣетъ право принудить меня просить у ней прощенія; а съ моей стороны тѣмъ удобнѣе это сдѣлать, что она идетъ съ нѣкоторою медлительностію. Я побѣждалъ къ ней; просилъ ее простить моему замѣшательству, и увѣрялъ, что это произошло не отъ умысла. Она сама въ помѣже извинялась, и мы — взаимно благодарили другъ друга за вѣжливость. Маркиза уже подходила къ лѣсницѣ, но слуги ея не

было. Я подалъ ей руку, и повелъ къ каретѣ. Сходя съ лѣсницы, мы остановивались на каждой ступенькѣ, и судили о концертѣ и о нашемъ приключеніи.

Маркизша сѣла въ карету, а разговоръ нашъ еще не кончился. — Клянусь вамъ, сударыня! что развѣ съ шесть кидался я по сторонамъ, чтобъ дать вамъ мѣсто пройти... —

„И я также хотѣла, чтобы вы вошли въ дверь.“ —

Я желалъ бы очень, Маркизша, чтобы вы захотѣли то же самое и въ седьмой разъ. —

„Съ превеликимъ удовольствіемъ!“ отвѣчала она, подвинувшись къ одной сторонѣ.

И цѣлой жизни не достанетъ, чтобъ сохраишь въ точности всѣ церемоніи. Не доводя Маркизшу до дальнихъ прозвѣвъ, забрался я къ ней въ карету; она повезла меня къ себѣ. Я не думалъ больше о концертѣ. Пусть занимаются имъ тѣ, которые его слушаютъ; а я —

помышляя о новомъ знакомствѣ, которое меня гораздо болѣе утѣшило, нежели всѣ Перуанскія сокровища.

К а р л о.

Я не повѣрю, чтобы ктонибудь другой — кромѣ того, о которомъ скажу въ сей главѣ — могъ сдѣлать такое примѣчаніе, какое сдѣлалъ я въ ту самую минушу, когда взглянулъ на партеръ. Мнѣ не приходило о томъ и въ голову, особливо тогда, когда она была наполнена непоспѣвшимъ своеюравіемъ Природы въ произведеніи великаго множества уродовъ. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ концахъ Вселенной она забавляется довольно надъ бѣднымъ человѣчествомъ; но въ Парижѣ, кажется, что ея прихоти не имѣють уже никакого предѣла.

Я сидѣлъ въ Театрѣ; но мысли мои не усремлялись на Оперу: онѣ бродили совѣмъ по другимъ сторонамъ, такъ точно, какъ бы я

самъ бродилъ съ ними. Я не пропускалъ ни одного прохожаго на улицѣ, чѣмъ не сдѣлать надъ нимъ какогонибудь примѣчанія. Какъ жалко смотрѣшь на малорослыхъ, горбатыхъ, кривыхъ, слѣпыхъ и на множество другихъ изуродованныхъ! Я сострадалъ обѣ этихъ несчастныхъ, которыхъ игра случая, или сама Природа отдѣлила отъ числа людей обыкновенныхъ, и причислила къ сонмищу уродовъ. Иные въ пятьдесятъ лѣтъ по росту своему казались совершенными дѣтьми; другіе не дѣйствовали своими членами, страдали Англійскою болѣзнію, и имѣли, кривыя ноги. Первые отъ шести, или семи лѣтъ не росли болѣе; а другіе походили на маленькія яблони, которыя съ самой своей завязки завяли.

Путешествователь *Лѣкаръ* сказалъ бы, можетъ быть, что это произошло отъ разныхъ худо употребляемыхъ перевязокъ. *Лѣкаръ цырюмный* приписалъ бы это нездоровому воздуху; а *путешественникъ любознательный* — для утвержденія своей

системы пустился бы измѣрять вышину домовъ, ширину улицъ, пѣсношу нѣкоторыхъ чулановъ въ шестомъ и седьмомъ этажѣ, гдѣ простой народъ бѣснѣ и спитъ кучами.

Г. Шанди, — котораго разсужденія во многихъ случаяхъ были чрезвычайны — говоря однажды объ этомъ, увѣрялъ: что дѣти, родившіеся безъ всякихъ дурныхъ слѣдствій, могутъ вырасть весьма велики; но дѣло въ томъ, прибавилъ онъ шуня, что Парижскіе жители несчастливѣе пѣснымъ своимъ жилищемъ, и мы не понятно, какъ они умудряются производить въ нихъ существа себѣ подобныя. Отъ того — то и рождаются дѣти такими уродами, которые въ двадцать пять лѣтъ — при всемъ стараніи и попеченіи родителей — не вырастаютъ выше аршина. Г. Шанди, говоря всегда лаконически, не упомянулъ ни слова о способахъ прибавлять ростъ.

— Я и самъ не скажу болѣе. . . .
Я пишу не наставленія, а только упоминаю о нѣкоторомъ вѣрномъ за-

мѣчаніи, въ которомъ можно удосто-
вѣриться на каждой улицѣ и на ка-
ждомъ перекресткѣ въ Парижѣ. Од-
нажды проходя съ Дворцовой площа-
ди на Луврскую набережную, уви-
дѣлъ я мальчика, которой хотѣлъ
перепрыгнуть маленькой ручей, но
не могъ. Я подалъ ему руку. Но
какъ я удивился! мальчикъ эшошъ
по крайности былъ лѣшъ сорска. —
Что нужды! подумалъ я: дѣлать до-
бро никогда не мѣшаетъ. Когда я
буду въ девяносто лѣтъ, можетъ
быть и мнѣ какойнибудь доброй
человѣкъ пособишь въ подобномъ же
случаѣ.

Во мнѣ есть какое-то особен-
ное соспраданіе ко всѣмъ такимъ
несчастнымъ швореніямъ. Вѣдные!
они рѣдко имѣють силу и способ-
ность ограждать себя отъ злыхъ на-
смѣшекъ, и бласнуть чемъ-нибудь
въ обществѣ. Я терпѣть не могу,
когда надъ ними шутятъ. Лишь
только сѣлъ я возлѣ стараго Офице-
ра, какъ сердце мое уже рвалось съ
досады, увидя что, надъ какимъ-

по горбунчикъ, въ низу нашей ложи, весьма язвительно шутили.

Между оркестромъ и первую боковую ложю есть площадка, гдѣ зрители, неуспѣвшіе заранѣе захватить мѣста, помявшись всѣ въ одной кучѣ. Они всѣ стояли, хотя и плапаясь дороже, нежели въ партерѣ. Какой-то жалкой уродецъ попался въ эту суматошную толпу. Горбунчикъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ, и претерпѣвалъ несносныя насмѣшки. Но всѣхъ болѣе надоѣлъ ему одинъ престолстой и превысокой Нѣмецъ, который стоялъ впереди его, и заслонялъ весь Театръ и Актеровъ. *Карликъ* мой всечески старался отыскать хотя самую малѣйшую скважину между его руками и пуловищемъ; заглядывалъ то на ту, то на другую сторону: но Нѣмецъ стоялъ какъ истуканъ. Огорченный и лишенный надежды видѣть представленіе, бѣдной *карликъ* приподнялся, и прощянувъ потихоньку руку свою къ локтю великана, пересказалъ ему о худомъ своемъ положеніи. Нѣмецъ обернулся, посмотрѣлъ на него,

какъ Голиафъ на Давида, и — не сказавъ ни слова, спалъ опять по прежнему.

Въ это самое время нюхалъ я табакъ изъ табакерки добраго монаха. — „Ахъ! какое состраданіе, любезный отецъ Лорензо, почувствовала бы твоя душа, услышавъ жалобу этого бѣднаго *карла*?“

Подумавъ о томъ, сдѣлалъ я такое сильное движеніе, что старой Офицеръ замѣшилъ, и любопытствовалъ узнать пому причину.

Я пересказалъ ему все дѣло въ трехъ словахъ, и заключилъ тѣмъ, что поступокъ надъ малорослымъ горбуномъ былъ слишкомъ безчеловѣченъ.

Потерявъ терпѣніе и будучи разобиженъ, *карла* клялся Нѣмцу, что отрѣжетъ его носу. Нѣмецъ взглянулъ съ презрѣніемъ и сказалъ: отрѣжь пожалуй, еслии достанешь.

Когда насмѣшка выходилъ изъ своихъ границъ, то всякой чело-

вѣкъ съ хорошими чувствами конечно всегда возьмѣтъ сторону обиженнаго, кто бы онъ таковъ ни былъ. Если бы возможно было, я прыгнулъ бы на помощь къ утѣсненному. Старой Офицеръ помогъ ему безъ всякой пререги. Онъ далъ знакъ часовому, и показалъ ему по мѣсто. Солдатъ продрался. Не было нужды долго изслѣдывать обстоятельство. Дѣло было видимое. Солдатъ оподвинулъ Нѣмца, а *Карла* поставилъ впереди его.

Вопъ славно! вскричалъ я, ударивъ въ ладоши. —

„Такой исторіи не случится съ вами въ Англии“ — сказалъ мнѣ старой Офицеръ.

Въ Англии, сударь, отвѣчалъ я ему, мы всѣ сидимъ по своимъ мѣстамъ покойно.

Отвѣтъ мой видно ему понравился; онъ поподчивалъ меня пабакомъ. Я понюхалъ и узналъ, — что въ Парижѣ острое слово всегда въ доброй цѣнѣ.

Р о з а.

И я въ свою очередь спросилъ стараго Офицера. По всему партеру кричали: *Господинъ Аббатъ! подними руки выше.* Крикъ этотъ для меня сполько же былъ невразумителенъ, сколько для товарища моего непонятно было небольшое мое восклицаніе о монахѣ Лорензо.

Онъ сказалъ мнѣ, что это долженъ быть Аббатъ, сидѣвшій въ ложѣ позади какихъ нибудь красенокъ, котораго замѣшилъ партеръ, и захотѣлъ надъ нимъ подшутиться.

Возможно ли, отвѣчалъ я, чтобъ духовной челоуѣкъ былъ такой волокиша? —

Офицеръ улыбнулся — и на ухо рассказалъ мнѣ о нихъ такія проказы, какія мнѣ и въ голову никогда не приходили.

Великій Боже! возможно ли, чтобъ народъ, исполненный нѣжными чувствами, могъ имѣть такія поно-

сныя приспращія . . . и до такой степени лицемѣрствовать? Какое лукавство!

Офицеръ уведомилъ меня, что язвительныя насмѣшки въ театрѣ надъ духовными начались съ самыхъ шѣхъ поръ, какъ Молиеръ издалъ *Тартюфа*. Но это мало по малу выводится. „У всѣхъ людей, продолжалъ онъ, есть тонкости и грубости, которыя занимая ихъ нѣкоторое время, въ послѣдствіи исчезающъ сами собою. Я былъ во многихъ Государствахъ, и вездѣ находилъ учтивость въ различныхъ видахъ. Что одни одобряющъ — другіе опровергающъ. Повсюду сплывшъ вѣсы добра и зла; но дѣло въ томъ, чтобъ умѣть управлять ими. Это будетъ предохранительнымъ средствомъ отъ шѣхъ дурныхъ толковъ, которые можешъ имѣть просякъ надъ другимъ. Поэтому — по путешествіямъ имѣешъ много выгодъ: онъ сравниваетъ людей, разсматриваетъ ихъ характеры; а изъ того — научаешся жить, и сносишь равнодушно нѣкоторыя непри-

янности. Взаимное снисхождение обязывает нас любить друг друга.“ — Сказавъ это, онъ поклонился и ушелъ отъ меня.

Онъ говорилъ съ такою искренностію, съ такимъ чувствомъ, что совершенно оправдалъ меня въ тѣхъ добрыхъ впечатлѣніяхъ, которыя произвелъ во мнѣ его характеръ. Я думалъ любить человека, но боялся ошибиться въ своемъ выборѣ. Онъ только что хотѣлъ подать мнѣ способъ мыслить какъ надобно. . . . Но я не могу такъ хорошо изъяснить, какъ онъ. Вотъ въ чемъ разница:

Признаюсь, что въ первый мѣсяцъ, которой прожилъ я въ Парижѣ, частехонько краснѣлъ отъ стыда, слышавъ такія слова, къ которымъ я совсѣмъ не привыкъ. Но потомъ они теряли постепенно свою силу, и я — ужь не стыдился. Вотъ небольшое доказательство:

Госпожа Р*, будучи со мною знакома мѣсяца съ полтора — сдѣлала мнѣ честь, посадила меня съ собою

въ карету , и повезла за двѣ мили отъ Парижа. . . . Она была прекра-сна , добродѣтельна , скромна. На возвратномъ пути просила она меня дернуть за снурокъ , чтобъ остано-вить кучера. „Развѣ вамъ что ни-будь нужно ?“ спросилъ я ее. —

Нѣтъ ! отвѣчала она : мнѣ дол-жно выдти для . . .

Другъ путешествователь ! не мѣшай Госпожѣ Р. . . . А вы , пре-красныя Нимфы , пайныя свидѣ-тельницаы ея упражненія ! срывайте *розы* , и засыпайте ими слѣды. . . .

Я пособилъ выдти ей изъ каре-ты. Еслибъ я былъ стражъ при числомъ Каспальскомъ источникѣ , то и передъ нимъ не стоялъ бы я съ такимъ благоговѣніемъ.

Конецъ первой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Первой Части

ПУТЕШЕСТВІЯ ЙОРИКА.

I.	Отъѣздъ — Прибытіе.	3
II.	Кале — Впечатлѣнія.	5
III.	Кале — Монахъ.	8
IV.	Причина раскаянія.	11
V.	Польза отъстрячихъ.	14
VI.	Кале — Почтовая ко- ляска.	15
VII.	Предисловіе въ почтовой полянскѣ.	16
VIII.	Невѣсткѣ на отмысткѣ.	24
IX.	Кале — Улица.	28
X.	Кале — Каретной сарай.	31
XI.	Вся въ разговорахъ.	34
XII.	Кале — Табакерка.	38
XIII.	Повѣда.	42
XIV.	Открытіе.	45
XV.	Другой воспользовался бы.	49
XVI.	Признаніе.	51
XVII.	Нещастіе и щастіе.	53

XVIII.	Способъ прилѣчать.	55
XIX.	Монтріуль. - -	60
XX.	Надобно быть всѣмъ довольнѣ. - -	64
XXI.	Предувѣдомленіе -	67
XXII.	Что дѣлаетъ добро- дѣтельныи мѣ? -	69
XXIII.	Отрывокъ. - -	71
XXIV.	Рѣдко вкушаемое удо- вольствіе. - -	73
XXV.	Лошакъ. - -	78
XXVI.	Мертвой осель. -	82
XXVII.	Почталіонъ. -	85
XXVIII.	Аміенъ. - -	87
XXIX.	Письмо. - -	91
XXX.	Парижъ. - -	98
XXXI.	Парикъ. -	100
XXXII.	Пульсъ. - -	103
XXXIII.	Мужъ. - -	108
XXXIV.	Перчатки. -	111
XXXV.	Переводъ. - -	115
XXXVI.	Карло. - -	120
XXXVII.	Роза. - -	127
